

Оглавление

От автора 11

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. Начало пути. 1987–1989

Нужен ли суд над палачами? 13 Немцов — физик 15 Самый свободный человек 18 Горбачев против КПСС 21 Призрак Чернобыля 23 Когда уходит страх 26

Глава 2. Время больших надежд. 1990

Триумф Ельцина 29 Немцов идет в депутаты 32 Россия против СССР 36 Народ за свободу 38 Последний шанс сохранить Союз 41 Немцов за границей 45

Глава 3. Последняя битва. 1991

Первый президент 48 Горбачев принимает гостей 49 1917-й или 1964-й? 52 Дорога в будущее 56

Глава 4. Новая страна. 1991

Пономарев и Якунин едут к Ельцину 60 Молодость или опыт? 61 Демократия или сильная власть? 64 Мальчики в розовых штанах 66 Немцов въезжает в здание обкома 68

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 5. Столица реформ. 1992–1993

Митинг норковых шуб 75 Немцов против Гайдара 79 Почему не надо брать взятки 83 Купцы, торговцы и теннисные турниры 85

Глава 6. Двоевластие. Зима 1992 — весна 1993

Хасбулатов идет в атаку 90 Ползучий переворот 91 Ельцин жертвует ферзя 93 Предчувствие гражданской войны 97 Да-да-нет-да 100

Глава 7. Выход из тупика. Лето — осень 1993

Как принять новую конституцию? **104** Указ №1400 **107** Верховный совет собирает ополчение **111** Нехорошие предчувствия **114** Война в Москве **116** Кровавая полоса **119** Меньшее из двух зол **121**

Глава 8. Преемник. 1993–1995

Украсть ничего не получится **123** Народный капитализм **127** Прививка от авторитаризма **130** Следующий президент России **133**

Глава 9. Война, которой могло не быть. 1991–1994

Дудаев берет власть **136** Хасбулатов на свободе **140** В поисках нового Кувейта **141** Хасбулатова выводят из игры **143** Решение, которое висело в воздухе **145** 3D-фильм про Сталинград **147**

Глава 10. Миротворец. 1995–1996

Лицо, живущее на нетрудовые доходы **151** Навашинские миллионы **153** Апельсиновый сок **156** Политический тяжеловес **158** Миллион подписей против войны **162** Как закончить войну в Чечне **165** Голубь мира **168**

Глава 11. Коммунизм или демократия. 1996

Гайдар ищет преемника **172** Рождение олигархов **174** Давосский пакт **177** Чубайс сообщает плохие новости **180** Выборы без выбора **181** План Б **183** Голосуй или проиграешь **186** Брак по расчету **189** Коробка из-под ксерокса **192** Демократия побеждает **195**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 12. Первый вице-премьер. 1997

Вакуум власти **199** Переезд в Москву **202** Кавалерийский наскок **206** Пересесть на “волгу” **208** Лужков против младореформаторов **211** Первая битва за Газпром **213** Вторая битва за Газпром **216**

Глава 13. Драка в лодке, которую несет к водопаду. 1997

Давосский пакт трещит по швам **219** Битва за “Связьинвест” **222** Сто тысяч долларов за книгу **225** Что такое компромат? **227** “Сов. секретно. Передаю эстафету” **230** Круговая оборона **233** Книжный скандал **235** Игра на понижение **237**

Глава 14. Последний путь императора. 1998

Кто убил царя? **241** Встреча с патриархом **244** Скомканное покаяние **246**

Глава 15. Точка невозврата. 1998

Киндер-сюрприз **249** Перед бурей **252** Пирамида ГКО: как рухнула финансовая система **256** Дефолт **258** Конец корпорации “Россия” **262**

Глава 16. Путин. 1996–1998

Член команды, коллега, попутчик **266** Спасти Собчака **268**
Наш человек в ФСБ **270**

Глава 17. Президент-2000. 1998–1999

Новое двоевластие **273** Человек, похожий на прокурора **276**
В поисках Штирлица **279** Ельцин делает выбор **283**
Ставка на войну **287**

Глава 18. Преемник-2. 1999–2000

Как сделать партию **292** Братская могила **294** Союз правых сил **297**
Сеансы массового гипноза **301** Путина в президенты, Кириенко
в Думу **303** “Я ухожу. Я сделал все, что мог” **306** Who is Mr. Putin? **309**

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 19. Первая кровь. 2000–2001

Сильное государство **313** Игровая ситуация **315** Три дня в Бутырке **319**
Равноудаление олигархов **321** Протокол № 6 **323** Спор хозяйствующих
субъектов **326**

Глава 20. “Норд-Ост”. 2002

Последний диктатор Европы **330** Возвращение КГБ **332** Террористы
на Дубровке **334** Переговоры с Абу Бакаром **338** Штурм. Газ **343**
В гостях у Ахмата Кадырова **345**

Глава 21. Другая Россия. 2003

Конец бизнеса по-русски **349** Новая элита против старой гвардии **351**
Либералы на грани провала **353** За или против Путина **357** Атака
на Ходорковского **360** Два варианта: МБХ договорится, МБХ сядет **363**
Крах СПС **366** Россия Путина **370**

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 22. Жизнь на обочине. 2004

Один на корабле **375** Кому можно заниматься политикой? **377**

Глава 23. “Оранжевая революция”. 2004

Украина на распутье **380** Путин ставит на Януковича **382**
Немцов ставит на Ющенко **385** Две Украины **386** Разом нас багато **389**
За вашу и нашу свободу **391** Почему победил Майдан **393**

Глава 24. Конец революции. 2005–2009

С чистого листа **396** Слабых бьют **398** Советник на общественных
началах **401** Это даже не государство **402**

Глава 25. Суверенная демократия. 2005–2008

Организация для воспитания молодежи **406** Осажденная крепость **409**
Чиновник, сказавший “нет” Путину **411** Немцов теряет работу **412**
Энергетическая сверхдержава **414** Дебаты в подземелье **416** Смерть
Ельцина **418** План Путина — победа России **420** Немцов — изгой **422**

Глава 26. Воин Путина. 2004–2008

Встреча под Аргуном **426** Странная смерть Ахмата Кадырова **428**
Выбор Путина **429** В гостях у Рамзана **432** Феодалный договор **433**

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Глава 27. Оттепель. 2008–2010

Свобода лучше, чем несвобода **437** Союз волка с бараном **439**
Новая корпорация “Россия” **441** Немцов на улице **443**
Сочинский эксперимент **444** Сурковские ребята **447** Несколько способов
украсть выборы **449** Конец золотой эпохи **451** Путина в отставку **453**

Глава 28. Арест. 2010

Новые времена **457** Как появился закон Магнитского **460** Путин.
Итоги. 10 лет **463** Разговор с Владимиром Путиным **465** Акция
личной мести **467**

Глава 29. Рокировка. 2010–2011

Медведев проявляет амбиции **470** Треснувший тандем **472**
24 сентября **474**

Глава 30. Чувак из Марьино, который перепридумал политику. 2007–2011

Удивляйтесь, когда вас унижают **477** Национализм с человеческим
лицом **479** Политик №1 **481**

Глава 31. Болотная площадь. 2011

Ветер “Олимпийского” **484** Карл Гаусс против “Единой России” **486**
Ночь после выборов **489** Митинг грязных ботинок **492** Как устроить
революцию **494** Переговоры с мэрией **495** 10 декабря **499**

Глава 32. Разгром Болотной. 2012

Умерте ж под Москвой **503** В ожидании Майдана **505** Что случилось
6 мая **507** В гостях у Собчак **511** Болотное дело **513**

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Глава 33. Две кампании. 2013

Спецоперация в Ярославле **517** Немцов снова идет на выборы **519**
Как Кремль помогал Навальному **521** С вещами на выход **523**
Голосуй за оппозицию **525** Триумф Навального **527** Второе дыхание **530**

Глава 34. Евромайдан. 2013–2014

В поисках духовных скреп **533** Янукович идет в Европу **536**
Как началась война в Киеве **539** Переворот или революция? **541**

Глава 35. Россия после Крыма. 2014

Второй арест **543** Крымская эйфория **545** Эмигрировать или нет? **547**
Два слова в Киеве **550** “Посадить могут, убить — нет” **551**
Как остановить войну **553** Путин навсегда **555**

Глава 36, последняя. 27 февраля 2015

Больше чем наместник Чечни **558** Je Suis Charlie **559**
Как Немцов и Навальный готовили марш “Весна” **561** 27 февраля **564**
Герои не умирают **568** Политическое решение **569**

Эпилог **575**

Благодарности **577**

Примечания **579**

Библиография **609**

Источники иллюстраций **613**

Именной указатель **615**

От автора

Обычно фильмы рождаются из книг. С этой книгой получилось наоборот — она родилась из фильма “Слишком свободный человек”, который мы сделали вместе с Верой Кричевской и который вышел через два года после убийства Бориса Немцова. Фильм был построен на очевидной идее: история Немцова — это и есть история страны последних почти тридцати лет. Появление Немцова в политике было бы невозможно без горбачевской перестройки второй половины 80-х, его стремительный взлет в начале и поражения в конце 90-х в полной мере отражают драматизм ельцинской эпохи, неизбежен был и его переход в оппозицию при Путине. Немцов оказался непосредственным участником — либо, реже, свидетелем — едва ли не всех событий, так или иначе предопределивших ход современной российской истории. Его жизнь, со всеми ее поворотами, — это история борьбы за свободную и демократическую Россию. Поэтому и его гибель произвела такое впечатление и приобрела символический смысл.

Книга развивает эту идею: история Немцова — это история России, и я не отделяю одно от другого. Это не классическая биография. Это политическая биография в широком контексте, не столько рассказ о Немцове, сколько рассказ, в котором он является главным героем. За годы, прошедшие с падения советской власти, Россия снова потеряла обретенную ею свободу. Как это произошло? Поиски заветной точки, в которой стрелка российской истории была переключена на тупиковый маршрут, привычно крутятся вокруг конкретных эпизодов, но простых ответов — фамилия, дата, место — на эти вопросы нет. И поэтому по ходу сюжета я время от времени покидал моего героя, чтобы восстановить подоплеку политических интриг и исторических процессов, в центре которых ему суждено было оказаться.

У этой книги две оптики. Одна — самого Немцова. Его взгляды мне близки, его поступки и эмоции мне часто понятны, и мне было относительно легко смотреть на происходящие события его глазами. Вторая оптика — моя собственная, и я хотел показать те обстоятельства, в которых действовали и принимали решения и Немцов, и другие участники политической жизни. Смотря на историю страны глазами Немцова, я вместе с ним проживал ее заново, в настоящем времени. Как журналист я понимал, где что искать и кому задавать вопросы, потому что уже знал, что было дальше и чем все кончилось.

Эта книга — не политологический труд и не строгое историческое исследование (хотя профессии журналиста и историка родственны между собой). Многие описанные мною реалии перестали существовать или устарели, но я старался писать так, чтобы чтение не требовало специальных знаний — ни об общественной жизни последних десятилетий, ни об экономике, ни о том, как устроено и функционирует российское государство. Насколько Немцов был живым и непосредственным человеком, настолько я стремился к тому, чтобы живым и непосредственным был мой рассказ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Начало пути. 1987–1989

Нужен ли суд над палачами?

Ни темп, ни содержание перестройки не устраивали Николая Ашина, 24-летнего сотрудника НИРФИ, Научно-исследовательского радиофизического института города Горького. Во-первых, начатые Горбачевым реформы казались ему половинчатыми. Во-вторых, неверным ему представлялся исходный посыл: разве может коммунистическая система сама себя реформировать? Ашин интересовался политикой и решил делать газету — точнее, не газету, а стенгазету, которая в единственном экземпляре висела прямо у входа в столовую института, то есть не заметить ее было невозможно. Первый номер газеты вышел в ноябре 1987 года, а программная статья за подписью Ашина начиналась так: “Со страниц газет, экранов ТВ звучат призывы — выдвигать, выбирать, активно участвовать, активно обсуждать — в рамках социалистической законности, конечно. Демократизация — в рамках социалистического плюрализма. Гласность, открытость, свобода критики — но объективно и конструктивно. Извините, но все это было и при Сталине — в известных пределах. А пределы эти сейчас, так же как и тогда, устанавливают все те же организации”.

И стенгазета в НИРФИ, и статья Ашина неслучайно появились именно в этот момент. С одной стороны, в 1987-м гласность достигла пика, уже трещала по швам коммунистическая идеология, и даже в официальной партийной прессе обсуждалось все то, о чем молчали много десятков лет. Журналы миллионными тиражами публиковали запрещенных писателей. На экраны выходили фильмы, которые годами пылились на полках. Моментально превращались в кумиров молодые ведущие ток-шоу на телевидении, каких советские телезрители никогда не видели. Ничего этого нельзя было себе представить всего полтора-два года назад. С другой стороны, власть КПСС была еще сильна, и внутри партии уже оформлялась консервативная оппозиция перестройке и Горбачеву, ведомая Егором Лигачевым, вторым лицом в коммунистической иерархии. И как раз в те дни, когда Ашин работал над первым номером своей стенгазеты, Борису Ельцину, тогда популярному главе Московского горкома КПСС, устроили обструкцию на очередном Пленуме Центрального комитета *. Начинали

* 21 октября 1987 года Борис Ельцин, прогрессивный руководитель Московского горкома КПСС, неожиданно взял слово на Пленуме ЦК, дежурном партийном мероприятии, посвященном обсуждению доклада к 70-летию революции: сбивчиво раскритиковал секретаря ЦК Егора Лигачева и Политбюро в целом, самого Горбачева за складывавшийся культ личности и попросил вывести его из кандидатов

проступать контуры политической борьбы, которая предопределил историю наступающего десятилетия: справа на Горбачева давят коммунистические ортодоксы из Политбюро, а слева поднимается звезда Ельцина. На страну вдруг свалилась свобода — в первую очередь свобода печати. Но огромная советская партийная машина не собиралась сдаваться без боя, а кому-то, как молодому антикоммунисту Ашину, перестройка казалась неполной и лицемерной.

Гласность началась в январе 1987 года — именно тогда, пролежав два года на полке, на экраны вышел фильм “Покаяние” грузинского режиссера Тенгиза Абуладзе, притча о тиране, внешне похожем одновременно на Берию и на Сталина. Гласность стала синонимом десталинизации. В широкую печать хлынул поток свидетельств о массовых репрессиях — поток правды, от которой кровь стыла в жилах и о которой советский народ в то время имел весьма смутные представления: еще не были открыты архивы, еще не был опубликован в журнале “Новый мир” “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына, еще не было четкого представления о масштабах жертв. “Всех, кто заглядывал в основные российские газеты или журналы в 1987 или 1988 годах, сразу же окружали имена, лица, голоса — призрак разрушенных жизней соотечественников — оклеветанных, арестованных, подвергнутых пыткам, расстрелянных, замученных голодом или сведенных в могилу непосильным трудом”, — писал исследователь перестройки Леон Арон¹. Генеральная линия партии, разумеется, не успевала за духом времени: в официальных партийных документах репрессии уже осуждались, но еще отмечался выдающийся вклад Сталина в социалистическое строительство.

Николай Ашин был настроен бескомпромиссно. Он требовал суда над палачами: “Произвол, безнаказанность любых самых заштатных, даже внештатных сотрудников [КГБ. — М. Ф.] на протяжении десятилетий породили в людях неискоренимый животный страх, который, став неотъемлемой русской национальной чертой, «генетически» передается из поколения в поколение, — писал он в той самой программной статье. — Преодолеть это наследие нам помог бы свой Нюрнбергский процесс над виновниками репрессий тех лет”.

Вокруг газеты в институте поднялся шум. Но в НИРФИ царили либеральные нравы — даже по тем временам. Комитет комсомола института разобрал личное дело Ашина и постановил: “Считать правильным курс газеты на создание в институте атмосферы гласности”². Разумеется, статья Ашина активно обсуждалась, в том числе и в его родном отделе теоретиче-

в члены Политбюро. В ответ члены ЦК один за другим заклеили Ельцина как ошпенца, противопоставившего себя партии. Ельцин покаялся, но 11 ноября его сняли с руководства Московским горкомом, а вскоре Горбачев отправит его на малозначительную должность первого заместителя председателя Госстроя.

ской физики. 28-летний физик Борис Немцов, коллега, научный руководитель и одновременно близкий приятель Ашина, решил написать ответ. Он был опубликован в следующем номере газеты. И это было первое политическое выступление Немцова. «Статья написана по-граждански, честно, смело, эмоционально, что, несомненно, привлекает читателя. Тем не менее ряд предложений автора я не могу поддержать, — писал Немцов. — В первую очередь это касается предложения о проведении Нюрнбергского процесса над участниками репрессий сталинского режима. Дело в том, что большинство из них либо умерли, либо старые беспомощные люди. Конечно, желание возмездия велико, но чувство мести и жажду крови вряд ли можно отнести к проявлению высокого нравственного начала, а ведь именно нравственное очищение должно быть целью подобных мероприятий. Я уже не говорю о том, что даже если бы вопрос о судебном процессе был бы решен положительно, то перед присяжными сразу бы возникли непреодолимые трудности: отсутствие доступа к архивам, документам, наконец, отсутствие официальной поддержки. Короче говоря, предложение заманчивое, но вряд ли осуществимое. Мне кажется более реальным организовать сбор средств для строительства памятника (можно и скромного обелиска или доски) жертвам сталинского террора».

Немцов — физик

Немцов родился в Сочи, где познакомились и тогда жили его родители: мать, Дина Яковлевна, родом из Горького, окончила Горьковский мединститут и работала врачом-педиатром, а отец, инженер, занимал высокую должность в сочинском строительном главке. У отца когда-то фамилия была Немцев, но после войны носить такую фамилию стало неловко, и он поменял в ней букву. Брак у родителей получился несчастливый, у самого Немцова детские воспоминания об отце остались тяжелые, и напряжение в отношениях сохранялось потом всегда, вплоть до смерти отца в 1988 году.

Когда Боре было семь лет — он только пошел в первый класс, — родители развелись. Отец уехал в Москву, на повышение, а мама с Борей и его старшей сестрой Юлей вернулись обратно в Горький. Там они с тех пор и жили — в маленькой двухкомнатной квартире в хрущевке, сначала втроем, а потом впятером, когда сестра вышла замуж и родила ребенка. Жили очень бедно: мама работала в больнице, денег всегда не хватало, и Боря уже в шестом классе разгружал продукты в соседнем магазине, чтобы немного подзаработать. «Будешь плохо учиться — будешь жить в нищете», — вспоминал потом Немцов одно из главных маминых наставлений. — Эту фразу она повторяла все время, и к девятому классу я ее выучил»³.

Учился Немцов очень хорошо, окончил школу с золотой медалью, но, как рассказывала мама, дисциплина всегда хромала и его дневник пестрел

замечаниями, что он на уроке шумел, болтал, смеялся и т. п. Удивительно, но Боря Немцов не вступил в комсомол. В 70-х годах это было редкостью: отсутствие комсомольского значка фактически ставило любого старшеклассника в положение изгоя. В его выпускной характеристике было отмечено, что Немцов “политически неустойчив”, и оба этих обстоятельства практически закрывали ему возможность поступить в институт. Увидев характеристику, Дина Яковлевна схватилась за голову и побежала в школу. “Но ведь Боря действительно политически неустойчив”, — разводил руками директор школы. Тем не менее он дал себя уговорить и заменил эту характеристику на более мягкую: “Позволяет себе политически непродуманные высказывания”⁴.

Политически неустойчивым Боря Немцов оказался вовсе не потому, что был в школе воинствующим антисоветчиком. На самом деле в юности Немцов не испытывал интереса к политической жизни, в активисты не собирался, а диссидентом прослыл благодаря одной из главных черт своего характера — отсутствию самоцензуры. Немцов всегда говорил то, что думает. Через несколько лет он так и скажет в одном из интервью: “Я не коммунист по убеждениям. Но антикоммунист — это уже слишком свирепое и предполагает активное противодействие”⁵.

Невероятно способный, Боря Немцов со старших классов много занимался физикой и математикой и поступил на радиофак Горьковского государственного университета. Радиофизика процветала в Горьком с середины 40-х годов XX века, когда в местном университете открылся первый в стране радиофизический факультет. В середине 50-х появился НИРФИ, и его родоначальниками стали сильнейшие физики того времени — представители научной элиты. В середине 70-х знаменитый выпускник горьковского радиофакультета академик Андрей Гапонов-Грехов основал в Горьком ИПФАН — Институт прикладной физики. Там же, неподалеку от Горького, разместились важнейшие секретные военные производства — выпускали подводные лодки, истребители и пр. Так в Горьком обосновался цвет советской научной интеллигенции, а местные институты стали рассадниками вольнодумства. Благодаря работе над ядерной бомбой и начавшейся вместе с ней гонке вооружений физика и математика всегда занимали в советской науке особое, привилегированное положение, и советская власть позволяла математикам и физикам немного больше свободы, чем остальным.

Окончив радиофак с красным дипломом, Немцов пошел работать в теоретический отдел НИРФИ. НИРФИ считался менее престижным, чем ИПФАН, куда из НИРФИ вслед за Гапоновым-Греховым перешли многие ведущие сотрудники, однако теоретический отдел НИРФИ по-прежнему котировался высоко. Научным руководителем Немцова стал его дядя Вилен Эйдман, тоже известный ученый и ученик академика Виталия Гинзбурга (в 2003 году Гинзбург получит Нобелевскую премию). “Отец мой

был суровым, жестким человеком и никогда не стал бы возиться со своим племянником, если бы тот не был очень способным физиком, — говорил о Вилене Эйдмане его сын и двоюродный брат Немцова Игорь Эйдман. — Борю он считал чрезвычайно одаренным человеком и сулил ему блестящую научную карьеру”⁶.

В середине 80-х распространение нелинейных волн считалось сложной и актуальной областью физической науки. На радиофизическом факультете изучали в основном электромагнитные волны, но лозунг факультета звучал так: “Физика для радио и радио для физики”. Основная идея заключалась в том, что любые нелинейные волны фундаментально похожи, вспоминает физик Лев Цимринг, однокашник и приятель молодости Немцова. “Факультет прививал нам культуру: в основе всего лежит теория колебаний нелинейных волн, — объясняет Цимринг, — а дальше ты можешь применить ее к разным областям. Нас учили ее применять и к радиоволнам, и к физике плазмы. Этим Боря и занимался в НИРФИ”⁷. “На столе и на полу все было завалено листками с формулами. Даже будучи в гостях у моих родителей, он все писал эти формулы”, — вспоминала потом Дина Яковлевна⁸.

Поверхностность может быть и недостатком, и достоинством. “Такое ощущение, что ученый пытается охватить многое, как бы разрывается на части — вместо того, чтобы сосредоточиться на одном конкретном направлении”, — писал о кандидатской диссертации Немцова журналист Егор Верещагин⁹. Действительно, можно стать экспертом в какой-либо конкретной области, а можно применять более широкий взгляд на вещи и, наблюдая за аналогиями в разных сферах, находить универсальные закономерности, незаметные узким специалистам. “Мы занимались динамикой жидкости, — вспоминает Цимринг, — волнами в океане, неустойчивостями, которые производят ветровые волны, такого рода вещами. А ему пришло в голову посмотреть, что будет, если сделать примерно то же самое в акустике, — и так ни с того ни с сего он занялся акустикой. Он безболезненно перескакивал из одной сферы в другую”¹⁰. Так родилась идея акустического лазера, которым Немцов стал заниматься впоследствии. Немцов-физик оказался похож на будущего Немцова — политического оратора: ни в чем не разбираясь детально и глубоко — за что его часто будут критиковать, — он сможет доступно объяснять суть происходящего и этим завоеует свою огромную популярность.

В НИРФИ на Немцова не давили: институт позволял своим сотрудникам заниматься тем, чем они хотели. Немцова отлично знали и в соседнем ИПФАНе, потому что он регулярно посещал тамешние семинары. Работал он и со студентами. Его будущий помощник и секретарь Александр Котюсов пришел к 27-летнему Немцову в 1986 году, на 4-м курсе. Он прекрасно помнит их первые встречи в НИРФИ: из-за секретной военной те-

матики в институте была специальная система пропусков, и выше второго этажа посторонних не пускали, поэтому Немцов занимался со студентами на окне между вторым и третьим этажами института...¹¹

Самый свободный человек

В горьковской научной среде Немцова нельзя было не знать — да и не только в ней. Главные черты характера, которые сыграют определяющую роль и в его карьере, и в его жизни, были присущи ему уже тогда — огромная самоуверенность, абсолютная раскованность, граничившая с развязностью, и полное отсутствие подобострастия, граничившее с наглостью. “Наглый и суперэкстраверт”, по описанию товарища Немцова, физика из ИПФАНа Павла Чичагова, он резко выделялся в любой компании, и прежде всего в своей родной, научной: кудрявый красавец, статный сексапильный плейбой, на ученого он был на первый взгляд совсем не похож¹². Его успех у женщин стал притчей во языцех еще со студенческой скамьи.

В самом центре Горького, в садике Свердлова, есть два грунтовых теннисных корта; институт арендовал там несколько часов в неделю, и еще с 70-х годов молодые физики ходили туда играть в теннис. Модный заграничный спорт, теннис тогда был чем-то вроде форточки в запретную западную жизнь — особенно в Горьком, в те застойные годы депрессивном и мрачном городе: несколько научных институтов в окружении унылых рабочих кварталов — один только Горьковский автозавод, где делали знаменитые “волги”, представлял собой город в городе. В начале 80-х, в апогей брежневского застоя, расчехлить здесь теннисную ракетку, пусть в лучшем случае эстонского производства, и достать теннисные мячи, пусть уже и заграничные до полного польсения, было особым шиком. Немцов очень любил спорт и спортивный образ жизни. Он мог подтянуться до тридцати раз подряд. Когда в холмах неподалеку от города появилась горнолыжная база — он встал на горные лыжи; когда начал ездить в Сочи — бросился осваивать серфинг. Естественно, Немцов не мог пройти и мимо тенниса.

Студентка Горьковского театрального училища Наталья Лапина увидела Немцова на теннисном корте в 1981 году — Немцов только защитил диплом и перешел в НИРФИ. “Какой красивый парень! Наверное, иностранец”, — подумала Лапина: настолько Немцов с теннисной ракеткой в руке выделялся на фоне горьковской повседневности. Она села рядом и стала ждать — учить роль. И не зря. “Девушка, у вас очень информативный взгляд”, — сказал ей Немцов. “Ого, — подумала Лапина, — слово-то какое: информативный”¹³. У них немедленно завязался роман. Лапина жила в поселке Сормово, одном из промышленных пригородов Горького, где был расположен завод по производству подводных лодок и где ее каждодневный путь домой пролегал мимо пивных ларьков и их нетрезвых завсегдатаев.

Через шесть-семь лет Лапина станет известной актрисой и одним из секс-символов позднесоветского кино, а пока 22-летний Немцов, одетый в красный спортивный костюм, провожал 18-летнюю красавицу на автобусе в рабочее Сормово — о том, чтобы поехать на такси, ни один из них не мог тогда даже подумать.

Немцов любил женщин, но еще больше он любил науку. Он приходил в институт днем, но мог потом сидеть на работе и писать формулы до поздней ночи. Немцов вообще умел легко переходить из одного режима в другой и был удивительно работоспособен. Этому помогало отсутствие привязанности к спиртному — Немцов никогда много не пил. «Люди же пьют, чтобы расслабиться, а ему это было просто не нужно, — объясняет Цимринг, — у него и так всегда был язык развязан. Зачем пить?»¹⁴ Он был настолько свободен от правил и конвенций, что в студенческие времена в хорошую погоду ходил по городу босиком — пока его не ударило током, когда он встал одной ногой на подножку троллейбуса, а другую еще не успел оторвать от земли.

В своих воспоминаниях физик Маргарита Рютова приводит пример немцовой раскованности. Впечатленный работами Немцова об излучении движущихся источников, академик Гинзбург привлек его к научным конференциям, которые с 1984 года организовывал в Сочи известный физик Вадим Цытович. Идея конференций заключалась в том, чтобы собрать вместе ученых, и известных, и не очень, но уже заметных в своих областях, и обсуждать в этом кругу проблемы современной науки и на стыке разных наук. Сочинские конференции были весьма престижными, для любого молодого ученого это было приглашение в клуб избранных. Немцов это приглашение принял как должное. Вот как Рютова описывает типичную сцену на конференции в Сочи в 1986 году, когда туда впервые позвали Немцова. У доски держит доклад Исаак Халатников, основатель Института теоретической физики имени Л. Д. Ландау в подмосковной Черноголовке, один из лучших преподавателей московского Физтеха, специалист в космологии и теориях сингулярности: «Халатников вел рассказ своим мягким голосом, аккуратно рисуя графики и покрывая доску системами уравнений, не пользуясь при этом никакими бумажками. Плавно текущий доклад спокойно переплетался с вопросами, на которые Халат отвечал четко и вежливо, пока в игру не вступил Немцов:

— Исаак Маркович, вы хоть понимаете, чего вы там пишете?

Халатников, очень вежливо:

— Да, Боря, это компоненты пятимерного метрического тензора.

— Небось, когда пользуешься пятимерным пространством, думать надо»¹⁵.

На конференции Немцов не позволял себе разговаривать в таком тоне только с самим Гинзбургом, но и с тем держался абсолютно свободно — примерно так же, как он через несколько лет будет общаться с Борисом Ель-

циным. “Он ни перед кем никогда не заискивал, — говорит Цимринг, — и на лекциях всегда себя вел точно так же: очень свободно. Он был свободный человек. Я был не такой свободный, как он”¹⁶. Все Немцову давалось легко, без напряжения сил — и успех в науке, и радости частной жизни.

Со своей будущей женой Раисой Немцов познакомился в очереди в столовую Горьковского кремля. В обкомовской столовой, как ее называли в народе, была сносная еда, а система советских привилегий в этом конкретном случае работала так: до двух часов дня в столовую пускали только чиновников и высокопоставленных коммунистов, а уже после — простой народ. Естественно, собиралась очередь. Приходил и 23-летний Немцов и со свойственной ему наглостью пристраивался к кому-нибудь поближе к кассе. Это было начало 1983 года. У Немцова в это время был роман с другой девушкой (что, конечно, не мешало ему флиртовать). Раиса, сотрудница местной библиотеки, была старше Немцова на три года и замужем за военным, хотя к тому моменту брак фактически распался. “Боря вошел в столовую, и все девушки, которые были рядом, сразу ахнули. Потому что необыкновенно красивый молодой человек, с очень яркой внешностью: высокий, с миндалевидным разрезом глаз, огромной копной волос, бородой, и очень шумный, сразу в центре внимания, — вспоминает Раиса Немцова. — Я понимала, что этот мужчина не для меня. Во-первых, я была старше. Во-вторых, я была не совсем свободна. И Боря тоже был несвободен. Когда мы увидели его девушку, то мы поняли, что нам здесь делать нечего. Девушка была тоже хороша собой”¹⁷.

Однако родители девушки, за которой Немцов тогда ухаживал, состоятельные и успешные люди, посчитали мезальянсом брак с научным сотрудником НИРФИ и, надавив на дочь, вынудили ее расстаться с молодым человеком, который не мог наскрести себе на штаны. В марте Немцов позвал Раису поехать с ним погулять в Москву. Остановиться они должны были у его отца. “Хм, — подумала Раиса, — так это что получается: у нас серьезные отношения?” Так и вышло: хотя в гостях у отца Немцова в Москве они спали в разных комнатах, тот принял Раису как невесту. Впрочем, Немцов с юности смотрел на отношения с женщинами свободно и не собирался жениться даже тогда, когда Раиса сказала ему, что беременна. Но тут уже настояла Раиса: “Он хотел, чтобы было как обычно. А я думала: как я буду рожать ребенка от человека, за которым я не замужем? И я сказала: так не будет! И мы поженились”¹⁸.

Свадьба была очень скромной: собрали близких друзей дома у одного из немцовских приятелей. Деньги на кольца молодожены потратили на более важные в хозяйстве вещи. Жить им тоже было негде, и поначалу Немцов и Раиса ютились все в той же двухкомнатной хрущевке — вместе с Диной Яковлевной, сестрой Юлией, ее мужем и их ребенком. К марту 1984 года они сняли отдельную однокомнатную квартиру — там и роди-

лась Жанна. Друзья пугали Немцова, что теперь он не сможет заниматься наукой из-за постоянного недосыпа, но Жанна оказалась очень спокойным младенцем. Она хорошо спала, а Немцов сидел рядом и писал свою диссертацию.

Вокруг бурлила перестройка, но молодой физик не обращал на общественную жизнь большого внимания. В его компании политика была далеко не главной темой для дискуссий. “Были разговоры и про политику, естественно, — вспоминает Раиса, — но не такие бурные, как про науку. Когда мы ходили в гости, мы говорили только о науке”¹⁹. В первую очередь Немцова целиком занимала физика, а во вторую — спорт и молодая семья. И когда Немцов писал в институтской газете ответ своему приятелю Ашину в декабре 1987 года, он и подумать не мог, что политика станет делом его жизни.

Горбачев против КПСС

Горбачев и его немногие единомышленники в Политбюро, в первую очередь Александр Яковлев и Эдуард Шеварднадзе, были полны прогрессивных замыслов. Они приступали к самой важной реформе — политической. За 70 лет советской власти коммунистическая партия и государственный аппарат слились в единое неразрывное целое, и теперь Горбачев замахнулся на хирургическую операцию невиданного масштаба — разделить их, вывести государственное управление из-под партийного надзора. Ни много ни мало лишить КПСС монополии на власть и передать ее советам — вроде как наполнить, наконец, настоящим содержанием известный, но давно позабытый ленинский лозунг “Вся власть советам!”. По сути, после 70 лет диктатуры речь шла о зарождении парламентской демократии. Александр Яковлев уже мечтал о двух-трехпартийной системе. До этого не дошло (Горбачев говорил, что “еще не время”)*, но намеченная на лето 1988 года XIX партийная конференция имела судьбоносное значение. Именно с нее, по мысли Горбачева, должна была начаться настоящая перестройка.

Партиконференции предстояло утвердить правила первых с февраля 1917 года альтернативных выборов в стране — выборов делегатов Съезда народных депутатов СССР. Сами же выборы депутатов должны были пройти через год, весной 1989-го. Консерваторы в КПСС уже ожесточенно боролись с реформистским прогорбачевским крылом в партии. В марте 1988 года, когда Горбачев был в отъезде, они опубликовали сталинистскую статью

* Об этом, в частности, пишет в мемуарах помощник Горбачева Андрей Грачев: “А. Яковлев вспоминает, что еще в конце 1985 года он написал Горбачеву записку с предложением разделить КПСС на две партии: либерального и консервативного направления, сохранив их в рамках одного Союза коммунистов. Тот, прочитав записку, ограничился лаконичным: «Рано»”.

“Не могу поступаться принципами” за подписью партийной деятельницы Нины Андреевой (на самом деле публикацией занимался лично Егор Лигачев). “Этот дерзкий выпад ортодоксальной оппозиции представлял собой нечто среднее между доносом врача Лидии Тимашук, спровоцировавшей в 1952 году антисемитский процесс по делу «врачей-убийц», и появившимся в июле 1991 года в той же «Советской России» «Словом к народу», в котором была сформулирована платформа ГКЧП”, — писал потом в своих мемуарах пресс-секретарь Горбачева Андрей Грачев²⁰.

Горбачев в ответ проявлял свою знаменитую нерешительность. Оттого и политическая реформа с самого начала была двусмысленной. Горбачев верил в свободу, он всерьез готовился дать бой партийной номенклатуре. Но он занимал мягкую позицию: потому что это было в его характере и потому что он искренне полагал, что страна и политический режим изменятся сами, если подтолкнуть их в правильном направлении. Горбачев верил, что у коммунистической партии есть будущее, если она вернется к принципам ленинизма. Можно сказать, он был честным ленинцем. К тому же исходил из того, что ради проведения реформ он должен пойти на уступки партийному аппарату.

Поэтому он предложил компромисс: власть перейдет к советам, но во главе советов на первом этапе встанут партийные функционеры (в том числе и сам Горбачев совместит пост генерального секретаря с новой должностью председателя президиума Верховного совета СССР), а КПСС сохранит контроль над выдвижением кандидатов в депутаты съезда. И уж тем более речь не шла об отмене 6-й статьи Конституции СССР, в которой говорилось о направляющей роли КПСС в жизни советского общества. По этому плану перестройка должна была сохранить управляемый характер, а демократии хотя бы временно пришлось уживаться с диктатурой КПСС. Запрячь в одну упряжку коня и трепетную лань и должна была партийная конференция — такой экстренный “полусъезд” КПСС.

Физик Павел Чичагов, в скором будущем член команды Немцова, хорошо помнит, как стал политическим активистом. Перед конференцией партия официально предложила трудовым коллективам присылать свои предложения о том, как должны быть организованы выборы депутатов первого съезда — перестройка же, пусть народ выскажется. Чичагов и несколько других ученых из ИПФАНа написали письмо, где изложили свои соображения по этому поводу — разумеется, весьма либеральные. “Для меня это был выбор, — вспоминает Чичагов, — либо я сижу помалкиваю, либо проявляю политическую активность”²¹. Это письмо Чичагов лично отвез в Москву — в газету “Известия” и на Старую площадь, в аппарат ЦК КПСС. И страшно занервничал, когда увидел свою фамилию и выдержки из письма в “Известиях”, в рубрике “Письма трудящихся”: кто поручится, что перестройка необратима и что, когда и если ее свернут, за ним не придут

из органов? Над страной еще витал грозный призрак КГБ, а вместе с ним и остатки страха. Как пелось тогда в популярной частушке по мотивам известных строк Пушкина:

Теперь у нас эпоха гласности,
Товарищ, верь, пройдет она,
А Комитет госбезопасности
Запомнит наши имена.

Но пути назад уже не было. Так Чичагов пришел в политику. И по примеру стенгазеты, которую выпускал в НИРФИ Николай Ашин, в ИПФАНе появилась своя газета.

Призрак Чернобыля

Жизнь в Горьком политизировалась на глазах. Помимо неформальных политических кружков — от демократических до монархических — крепили самостоятельные локальные общественные движения, от экологических до градозащитных. На официальной первомайской демонстрации студенты местного Политехнического института развернули плакат “Верните власть народу!”. Их не тронули, хотя жест был дерзкий. Тогда же, в мае 1988 года, несколько активистов решились установить в центре города на площади Горького палатки — так они протестовали против строительства метро в этом месте открытым способом, то есть с неизбежным уничтожением старинной площади. Борьба шла давно — обращения в инстанции, даже митинги, не помогали. “Это был жест отчаяния, — вспоминает один из активистов Станислав Дмитриевский, — мы не думали, что из этого что-то выйдет. Проснулись утром — а вокруг тысячи людей”²².

В это же время в Горьком возобновился другой громкий инженерный проект — строительство атомной станции теплоснабжения (АСТ). Сама идея появилась еще во времена глубокого застоя в конце 70-х, когда лозунг “Атом для мира” был весьма популярен: по разработанному плану два микрорайона Горького предполагалось отапливать с помощью атомной котельной, которую собирались построить в нескольких километрах от города. В начале 80-х развернули строительство, и станцию даже почти построили, но потом бросили — эпоха позднего Брежнева была знаменита долгостроями, — а в апреле 1986 года случилась чернобыльская катастрофа. И когда через полтора года станцию все-таки решено было достроить, перепуганные горожане откликнулись акциями протеста.

Врачей Чернобыль напугал особенно: в детской больнице, где работала Дина Яковлевна, лежали дети из Украины с поражением щитовидной железы. Так она стала активисткой. Сначала она позвала сына, чтобы тот как специалист-физик выступил перед врачами, когда районное партийное ру-

ководство разрешило провести в ее больнице обсуждение этой темы. А когда на площади Горького вырос палаточный городок, она тоже туда пришла. Сын не мог остаться в стороне. “Мама стала собирать подписи, — вспоминал он потом, — я стал бояться, что ее посадят, арестуют, я, естественно, рядом с ней стоял, чтобы, не дай бог, ее не трогали”²³. Дина Яковлевна расположилась на площади с антиядерным плакатом. Два протеста объединились. “Кто-то из них (Дина Яковлевна или Немцов. — *М. Ф.*) подошел и сказал: а можно мы у вас тут в сторонке посидим с нашей темой?” — вспоминает Дмитриевский²⁴.

Палатки простояли около месяца, а тем временем газета “Горьковский рабочий” обратилась к молодому ученому с просьбой высказаться на ее страницах. Физики и в НИРФИ, и в ИПФАНе понимали, что возникшие после Чернобыля страхи преувеличены, советская атомная техника вполне надежна, а установленный на станции реактор относительно безопасен. Но человеческий фактор исключить было нельзя — вдруг какой-нибудь рабочий забудет закрутить какое-нибудь реле, — да и в целом эпоха коммунистических мегапроектов уже ушла в прошлое. С этих позиций Немцов и раскритиковал строительство атомной станции в вышедшей в начале июля статье “Почему я против АСТ”²⁵. Во-первых, при строительстве мог быть допущен брак, писал он, такие примеры известны; во-вторых, Советский Союз не публикует данные о радиационной обстановке, и остается только надеяться, что, случись что, власти предупредят население; в-третьих, такая наземная станция — очевидная мишень во время войны или для диверсии. В общем, достраивать ее незачем, а лучше переоборудовать в газовую котельную.

Статья вызвала большой резонанс. “Антиядерное движение прочитало статью и воскликнуло: «О! Теперь же у нас есть физик!» И Немцова стали активно звать на все обсуждения и митинги, — вспоминает лидер поволжского экологического движения Асхат Каюмов, тогда член дружины охраны природы Горьковского университета. — Тут мы и пересеклись”²⁶. Так летом 1988 года Немцов стал известен и популярен в городе. В институте даже был установлен специальный ящик для писем Немцову. Он выступал на митингах. Он излагал свои возражения докторам наук в Атомпроекте — и достойно держал удар.

А вскоре академик Гинзбург свел Немцова с Андреем Сахаровым, изобретателем советской водородной бомбы, нобелевским лауреатом и самым известным советским диссидентом. Почти семь лет — с января 1980-го, когда он публично осудил вторжение в Афганистан, по декабрь 1986-го — Сахаров прожил в ссылке в Горьком, полностью отрезанный от внешнего мира: у входа в его квартиру на первом этаже кирпичной девятиэтажки на окраине города всегда дежурил милиционер, КГБ просматривал и прослушивал квартиру из двух зданий по соседству, а в подвале стояла глу-

шилка, чтобы Сахаров не мог слушать по радио западные “голоса”. Соседям внушали, чтобы обходили Сахарова стороной. “Я как раз в это время росла в этом дворе, и мы сбегались посмотреть, когда из столицы к мужу приезжала его жена Елена Боннэр, — вспоминает Екатерина Одинцова, через много лет она станет известной в городе журналисткой, у них с Немцовым родятся двое детей. — Нам, третьеклашкам, она казалась посланницей с другой планеты. Родители нас ужасно ругали, говорили, что нельзя общаться со ссыльным профессором и его женой. Поэтому мы восхищались с безопасного расстояния. Дежурных, которые караулили семью, мы тоже знали в лицо. Кстати, из-за этих дежурных наш двор был самым тихим и безопасным в районе. Все старались стороной обойти”²⁷.

Ссылка была для Сахарова настоящей мукой: много лет он провел в одиночестве, а с мая 1984-го, когда Елену Боннэр, которая была его единственной связующей нитью с миром, тоже приговорили к ссылке в той же квартире в Горьком, Сахаров, по его собственному выражению, превратился в живого мертвеца. Несколько раз он объявлял голодовку, и несколько раз его принудительно кормили — такая форма пытки и унижения. И так до 15 декабря 1986 года, когда в квартире Сахарова вдруг установили телефон, а на следующий день ему позвонил Горбачев. Еще через неделю Сахаров под аплодисменты коллег уже входил в хорошо знакомую аудиторию родного ФИАНа, Физического института Академии наук, — собственно, с освобождения Сахарова из ссылки и началась перестройка. И вот в сентябре 1988 года Немцов сидел на кухне в московской квартире Сахарова и Боннэр — как он будет сам потом вспоминать, это было его единственное в жизни выступление в качестве журналиста. Речь шла все о том же проекте атомной теплостанции. В интервью Немцову, которое напечатает популярная горьковская газета “Ленинская смена”, Сахаров полностью поддержал Немцова: да, ядерная энергетика нужна, да, эта станция гораздо безопаснее Чернобыльской, но абсолютной безопасности не существует, в конце концов, у оператора станции может случиться помутнение в голове, отсюда вывод — наземные ядерные реакторы надо запретить в принципе. Интервью завершалось так:

НЕМЦОВ: Несмотря на то что многие горьковчане против АСТ, ее строительство продолжается.

САХАРОВ: Надеюсь, что вам удастся переломить ход событий. Я целиком на вашей стороне²⁸.

И эти слова произносил не просто моральный авторитет, не просто знаменитость и не просто нобелевский лауреат. За спиной у Немцова стоял политический исполин, герой эпохи: опросы общественного мнения, едва ли не первые в советской истории, показывали, что к осени 1988 года в политических рейтингах Сахаров уже опережал Горбачева.

“Великий и драматический” — так 1988 год описан в дневниках помощника Горбачева Анатолия Черняева²⁹. Завершалась холодная война: начался вывод войск из Афганистана, а Рональд Рейган, приехав в мае в Москву, официально, можно сказать, освободил СССР от им же поставленного клейма “империя зла”. Зашатался Советский Союз: в феврале в азербайджанском городе Сумгаите погибли несколько десятков армян — сумгаитский погром стал первой в современной советской истории вспышкой массового насилия. Горбачев окончательно осудил сталинизм — и он стал знаменем ортодоксальной коммунистической реакции. Рушились все до одной советские идеологические концепции: диктатура пролетариата, направляющая роль партии, дружба народов, борьба с мировым империализмом, народная собственность, социалистическая законность — и огромную роль в их крушении сыграла XIX партийная конференция.

Через партконференцию в большую политику вернулся и Борис Ельцин. “В политику я тебя больше не пущу”, — сказал ему после его демарша на пленуме в октябре 1987 года Горбачев и сослал из московского горкома в Госстрой³⁰. Оказавшись в политической изоляции, Ельцин с трудом пробился на конференцию. Его посадили на галерку, и сначала Горбачев не собирался давать ему слово, но Ельцин прорвался к трибуне практически силой и произнес острую речь. Попросив партию о “политической реабилитации”, он раскритиковал несменяемость членов Политбюро, выступил за отмену привилегий для номенклатуры и за открытую дискуссию внутри партии. “Борис, ты не прав”, — отвечал ему с трибуны Лигачев. Так партия раскололась на два крыла — ортодоксальное и демократическое.

А советский народ, наблюдая за ходом конференции, вдруг впервые увидел, что внутри партии возможны споры и дискуссии, что голосования могут быть не единогласными и, самое главное, что это нормально. Что можно выступать против официальной линии партии, и за это с тобой ничего не сделают — не репрессируют, не посадят, даже не выгонят с работы или хотя бы из зала. Это и был переломный момент в истории перестройки — момент, когда из общественного сознания стал уходить страх перед государством. Власть КПСС с виду была еще крепка, но на самом деле уже шаталась. “Начинается какое-то новое время, совершенно неизведанное, непривычное, — так Борис Ельцин описывал атмосферу, сложившуюся после партконференции. — И в этом времени пора находить себя”³¹. Выборы народных депутатов СССР были назначены на март следующего года. “Я уже защитил кандидатскую и начал писать докторскую и даже не помышлял о какой-то общественной карьере, — так Немцов сам вспоминал то время. — Но меня стали включать во всякие экологические проекты, приглашать на собрания, акции”³².

Действительно, Немцов был уже не просто успешным молодым физиком — к концу осени он был авторитетным борцом с советским атомным лобби, лидером антиядерного движения города Горького, получившим благословение на борьбу от самого Сахарова. Более того, у Немцова уже появился небольшой опыт проведения избирательных кампаний: в октябре 1988 года Николай Ашин (тот самый, который издавал в НИРФИ стенгазету) выдвинулся в депутаты райсовета, и Немцов стал его доверенным лицом. Они вместе ходили агитировать. Немцов выступал на собрании жителей района, а Ашин лично обошел всех своих избирателей и легко выиграл. И когда зимой началась кампания по выборам депутатов I съезда СССР, уже Ашин потащил Немцова на выборы.

С точки зрения Ашина и других товарищей, Немцов был идеальным кандидатом: молодой, известный, талантливый, адекватный, умный, успешный, без комплексов, что важно, кроме того, обаятельный и любимец женщин. Немцова пришлось уговаривать — он не хотел и не собирался идти в политику. Его по-прежнему увлекала наука. Но давало себя знать честолюбие, а кроме того, и Немцов, и его друзья понимали: шансов стать депутатом у него мало. «Было очевидно, что он не пройдет через окружное собрание, — вспоминает Ашин, — ну не выберут, и хорошо, решили мы: зато пошумим»³³. И трудовой коллектив НИРФИ выдвинул Немцова.

Окружное собрание, которого справедливо опасался Ашин, и было тем инструментом, с помощью которого партия планировала держать под контролем ход первых в советской истории альтернативных выборов. В больших городах, где уже всюду кипела политическая жизнь, в эти собрания, утверждаемые избирательными комиссиями, пробивались и демократически настроенные активисты — для этого надо было собрать в своем районе подписи в свою поддержку, что не составляло большой проблемы, — и сами собрания проходили в бурных дискуссиях, иногда затягиваясь до утра следующего дня. Но перевес все равно был на стороне парткомов и обкомов, что очевидно уже не отражало сложившийся в обществе баланс сил.

Окружное собрание по округу №158 города Горького проходило 17 февраля 1989 года в здании городской администрации. Кроме Немцова выдвигались еще два кандидата, оба представители городской элиты того времени — ректор Горьковского строительного института Валентин Найдено и ректор Горьковского университета Александр Хохлов. На их фоне 29-летний Немцов с кудрями и бородой резко выделялся даже внешне (на фото он в пиджаке). Тем более отличалось его выступление. Несмотря на сильный жар — Немцов пришел на окружное собрание совсем больной, — он говорил ясно и выразительно. «Он выступал с абсолютно либеральной предвыборной программой, — вспоминает Виктор Лысов, тогда демократический активист, а в будущем помощник Немцова. — Он говорил о частной собственности, о многопартийности,

о необходимости отменить 6-ю статью Конституции, и все это звучало резко и необычно»³⁴.

Немцова зашикали: большинство присутствовавших представляли КПСС, и небольшая группа поддержки из НИРФИ и ИПФАН не могла изменить соотношение сил. Окружное собрание завершилось около часу ночи без неожиданностей — Немцова кандидатом не утвердили. Но эта его небольшая предвыборная кампания не прошла бесследно: с конца зимы 1989 года на Немцова в Горьком уже смотрели как на одного из лидеров местной демократической оппозиции. Поэтому, когда меньше чем через год началась новая предвыборная кампания — на этот раз предстояли выборы депутатов съезда РСФСР, — сослуживцы Немцова снова пришли к нему.

Глава 2

Время больших надежд. 1990

Триумф Ельцина

К старту Первого съезда народных депутатов СССР, с которого Борис Ельцин начал свое стремительное продвижение вверх, против него уже было настроено все Политбюро — и реформаторы, и консерваторы. Консерваторы во главе с Лигачевым давно видели в нем предателя партийных принципов. На Горбачева же огромное впечатление произвела безоговорочная победа Ельцина на выборах в марте 1990 года: выдвинувшись в Москве в депутаты съезда, Ельцин получил почти 90 процентов голосов. Это был триумф. Именно в этот момент Горбачев осознал, каких масштабов достигла популярность Ельцина. Он уже не отщепенец и не сброшенный партией с корабля взбалмошный одиночка — он настоящий политический лидер, за ним поддержка миллионов людей. И именно с этого момента берет начало их противостояние — борьба, которой суждено будет сыграть огромную роль в истории не только Советского Союза, но и всего мира. Ельцин потом описывал их встречу в середине мая 1989 года, за неделю до начала работы съезда: Горбачев предложил ему подумать о работе в правительстве, он отказался. Сделки с Генеральным секретарем Ельцина уже не интересовали — он на полных парах шел вперед, и Горбачев это хорошо понял. Помощник Горбачева Георгий Шахназаров вспоминал о разговоре со своим шефом, который состоялся спустя несколько месяцев: «А почему бы не удовлетворить амбиции [Ельцина]? Скажем, сделать вице-президентом?» (Горбачев станет президентом СССР в мае 1990 года. — *М. Ф.*) — «Не годится он для этой роли, да и не пойдет. Ты его не знаешь. У него непомерное честолюбие. Ему нужна вся власть»¹.

Однако и для демократической интеллигенции, которая тогда владела умами в обеих столицах, Ельцин тоже пока не стал своим: коммунист, еще недавно кандидат в члены Политбюро, к тому же и непоследовательный — то резко критикует коммунистическую идеологию, то рассуждает о «ленинских принципах», то громит партийную номенклатуру, то кается перед ней и просит о «политической реабилитации». Конечно, он решительно не похож на «агрессивно-послушное большинство», по знаменитому определению, которое дал депутатам съезда один из лидеров демократического движения и один из ведущих ораторов того времени, ректор Историко-архивного института Юрий Афанасьев. Отличается и характером — импульсивный, резкий, способный идти наперекор официальной линии (что все наблюдали уже не раз), — и восприимчивостью к общественному мнению: объявил войну привилегиям партийной элиты, призывает решительнее

проводить реформы. Но за что выступает Ельцин? Его взгляды в то время были весьма невняты. Накануне съезда это отмечал и Сахаров: “Я отношусь к нему с уважением. Но это фигура, с моей точки зрения, совсем другого масштаба, чем Горбачев. Популярность Ельцина — это, в некотором смысле, «антипопулярность Горбачева», результат того, что он рассматривался как оппозиция существующему режиму и его «жертва». Именно этим объясняется, главным образом, феноменальный успех Ельцина (5,2 млн человек — 91,5% голосов!) на выборах [в Москве]”².

Похожее впечатление складывалось тогда и у молодого экономиста, а в будущем главы ельцинского правительства Егора Гайдара: “Были хорошо видны силы и политический потенциал, умение ухватить проблемы, которые действительно волнуют людей. И полная неясность в том, куда этот потенциал будет направлен. Особенно смутным было все, что связано с экономикой. Постепенно стало ясно — Ельцин готов использовать против дряхлевшего социалистического режима его собственное, правда, давно затупившееся от времени оружие: энергичный социальный популизм”³.

Год назад XIX партконференция стала предвестницей необратимых перемен в стране. Теперь они воплощались в жизнь: в Советском Союзе, в зале заседаний Первого съезда впервые появилась легальная политическая оппозиция — оппозиция тому самому “агрессивно-послушному большинству”. Она получила название Межрегиональной депутатской группы (МДГ), а у ее истоков стояла группа московских депутатов во главе с экономистом Гавриилом Поповым, одним из ведущих демократических трибунов того времени. (Скоро она оформится в избирательный блок “Демократическая Россия”, мощное движение — протопартию, если угодно, — и до осени 1991 года это будет главная политическая сила страны.) Вопрос о том, как быть с Ельциным, сразу же повис в воздухе. Сам Ельцин претендовал на лидерство, но у организаторов МДГ были сомнения, приглашать ли его вообще: Ельцин популярен, да, но не часть ли он той системы, с которой вступил в борьбу?⁴ В итоге, к своему неудовольствию, Ельцин стал лишь одним из пяти сопредседателей МДГ. Еще одним сопредседателем стал Сахаров*.

За несколько месяцев до съезда, в конце декабря 1988 года, в телепередачу “Прожектор перестройки” пришло письмо: “Жить так дальше нельзя, как мы сейчас живем... Столовая наша и буфет кормят нас как вздумается, иногда нельзя взять даже колбасы что ни на есть самой плохой... полотенец нет, мыла нет, парной нет”. Письмо написали шахтеры с одной из шахт Кузбасса⁵. Шахтеры жаловались и на падение заработков, но главными проблемами стали еда и мыло — ни того ни другого просто не было: в советской экономике наступил глубокий кризис. Закончилось относительное

* Межрегиональную депутатскую группу возглавили Юрий Афанасьев, Гавриил Попов, Андрей Сахаров, Борис Ельцин и Виктор Пальм.

благополучие советской системы второй половины 70-х — первой половины 80-х годов.

В 1986 году цена на нефть резко упала. Советский Союз мгновенно превратился в должника. Но если в 1987–1988 годах страну хоть как-то спасали высокие урожаи, то в 1989-м случился неурожай, и экономика рухнула: западные банки стали отказывать в кредитах, правительству не хватало денег на импорт хлеба, не говоря уж обо всем остальном. Без либерализации цен шаги навстречу рынку, предпринятые правительством — введение хозяйственной самостоятельности предприятий, так называемый хозрасчет, — только усугубили ситуацию: предприятия стали массово повышать себе зарплаты, набравшее обороты печатание денег при чудовищном дефиците бюджета спровоцировало новый виток инфляции, товары окончательно исчезли с полок. В том же городе Горьком в 1989 году в свободной продаже не было не только мяса и масла, но и крупы и макароны уже можно было купить лишь по талонам. В июле 1989 года бастовал не только Кузбасс, но и все шахтерские районы страны — это была первая массовая забастовка в советской истории, до смерти напугавшая Политбюро и Совет министров. В обмен на западные кредиты Горбачев выводил советские войска из Европы.

“Нарастающие экономические трудности, рост дефицита на потребительском рынке... подрывают основы легитимности власти, обеспечивают массовую поддержку антикоммунистической агитации. Особенно это сказывается на ситуации в столицах и крупных городах”, — писал Егор Гайдар⁶. В этом историческом контексте и возник феномен Ельцина: с ним связывали свои надежды все недовольные положением дел в стране, от шахтеров и рабочих до учителей и ученых. И когда в конце года началась кампания по выборам депутатов съезда РСФСР, уже всем было ясно: Ельцин — лидер демократического движения. Он — тот таран, который способен сломить дискредитированную коммунистическую систему.

Этот факт стал еще более очевидным 14 декабря 1989 года, когда умер Сахаров. Полгода назад Сахаров говорил с трибуны Первого съезда: “У меня есть мандат выше мандата этого съезда”, — и никому не надо было объяснять, что он имел в виду. Ему отключили микрофон, депутаты его захлопывали, но он продолжал. Это был величественный момент: 68-летний Сахаров, на вид заметно старше своих лет, один противостоит улюлюкающей толпе коммунистов. И вот теперь его не стало. Антикоммунистическое движение осталось без морального лидера.

Еще через месяц Немцов вел торжественный митинг в Горьком — на доме, где жил в ссылке Сахаров, в его память была установлена мемориальная доска. “Я считаю, что сегодняшний день — первый шаг к покаянию, — говорил Немцов. — Первый шаг, который мы должны были сделать, чтобы заслужить прощение. Но не последний. Нам необходимо поднять го-

лову и жить не по лжи. И тогда, может быть, тот ужас, который происходил здесь, в этом доме, больше не повторится. Есть те, чья вина безмерна. Они издевались над Андреем Дмитриевичем, следили за ним, обыскивали его квартиру, принудительно кормили его в больнице. Нам не следует уподобляться разъяренной толпе и кричать — распни. Но мы должны спокойно и твердо сказать — уйдите в отставку, не гневите Бога. Они должны уйти, и уйдут”⁷.

Недавно Немцову исполнилось 30 лет. И он шел на выборы в депутаты Первого съезда РСФСР.

Немцов идет в депутаты

Немцов сначала колебался: идти на эти выборы или нет. По сравнению с союзными они были понижением, немного второго сорта — жизнь пока еще кипела на союзном уровне: за съездами, затаив дыхание, следила вся страна, там появлялись новые звезды и новые лидеры, там формировались коалиции, там обсуждались все важнейшие проблемы, там творилась политика. Но главное, перед Немцовым стояла дилемма: как быть с наукой? Физика или политика — на этот раз выбор вставал всерьез.

К концу 1989 года советская наука пришла в совсем плачевное состояние: научные сотрудники еле сводили концы с концами, но падение железного занавеса открыло новые возможности — люди стали уезжать на Запад. Кто на время и по контрактам с научными институтами, а кто и навсегда, по еврейской линии. Немцов колебался. Эмигрировать он не собирался, но несколько его близких институтских друзей уже поехали работать за границу, и их пример выглядел весьма привлекательно — сменить обстановку, пожить в другой стране, заработать какие-то деньги и при этом продолжать заниматься любимым делом. И когда друзья пришли звать его на выборы, Немцов сначала отказался и предложил выдвинуть вместо него популярного тогда писателя и публициста Анатолия Стреляного. “Давайте его, он известный, — вспоминает слова Немцова Николай Ашин, — мы даже связались со Стреляным, но тот отказался”⁸. После этого Немцов быстро дал себя уговорить. Незадолго до выдвижения он зашел посоветоваться к своему приятелю Цимрингу: оставаться или уезжать? Наука или политика? “Я ему говорю: Борь, ну что я тебе буду советовать, только не строй иллюзий — в науку ты уже не вернешься, — вспоминает Цимринг. — Но мне показалось, он для себя в тот момент уже все решил. Ему нужно было получить поддержку от людей, с которыми он работал, — чтобы мы его отпустили с миром”⁹.

На этот раз Немцова выдвинул ИПФАН. На собрание в институте явились представители обкома. Когда прозвучала фамилия Немцова — институт предлагает кандидатуру молодого перспективного ученого, — они

недовольно зашипели: он же замешан в неформальном движении, бросает тень на трудовой коллектив. Но за год, прошедший с прошлых выборов, жизнь в стране изменилась: помешать выдвижению кандидатов партия уже не могла. Кандидаты больше не должны были преодолевать фильтр в виде окружных предвыборных собраний. Немцов был утвержден почти единогласно. Вокруг него образовалась небольшая команда, и началась предвыборная кампания — первая настоящая предвыборная кампания в его жизни.

Избирательным округом был весь город Горький. Немцов вошел в объединение “Кандидаты за демократию”. То есть он стоял в авангарде целого отряда кандидатов на выборах разных уровней — от райсоветов и облсоветов до съезда народных депутатов РСФСР.

Пожалуй, в тот момент это была самая мощная предвыборная коалиция в Горьком — судя по огромному митингу, организованному “Кандидатами за демократию” на площади Минина в центре города в начале февраля. Выступал Немцов. Выступал его будущий сподвижник, секретарь городского парткома комсомола Сергей Кириенко (он шел на выборы в облсовет). Пришло и высшее городское начальство. Политика делалась на улице, и даже непривычные к уличной полемике партийные боссы понимали, что надо идти туда, к людям. Либеральная предвыборная декларация “Кандидатов за демократию” была опубликована в местных газетах¹⁰.

В политике они выступали:

- за суверенитет России;
- за передачу власти советам;
- за разделение законодательной, исполнительной и судебной власти;
- за равноправие политических партий;
- за свободу СМИ.

В экономике:

- за равноправие всех форм собственности;
- за упразднение административно-командной системы управления экономикой.

Сама кампания складывалась из интервью и встреч — в домах культуры, в институтах, на заводах, — до четырех встреч в день. Не все шло гладко. Не всюду удавалось пройти. На заводы Немцова не пропускали. “Вдруг оказывалось, что «неожиданно погас свет», «рабочая смена не закончилась» или нет нужного разрешения”, — вспоминала потом Нина Зверева, известная в Горьком тележурналистка, которая тоже присоединилась к небольшому предвыборному штабу Немцова¹¹. Тогда Немцов и Чичагов — он в штабе отвечал за график и проведение встреч — брали сумку с листовками, дожидались конца смены у проходной и раздавали листовки рабочим. С одной встречи на другую они перемещались на автобусе, который Чичагову ино-

гда выдавал секретарь парткома ИПФАНа. Когда в автобусе им отказывали, приходилось перемещаться на чем придется, например, на стареньком грузовом двудверном “москвиче” с металлической коробкой вместо заднего сиденья и багажника. Немцов и Чичагов забирались внутрь этой коробки и направлялись на очередную встречу с избирателями.

В феврале 1990 года в Горьком прошел еще один митинг — первый митинг в заречной части Горького, на окраине, там, где располагались заводы и жили в основном рабочие. Рабочие в основном и пришли. “Я помню эту черную массу людей”, — говорит Валерий Куликов, тогда член парткома КПСС на Горьковском авиационном заводе¹². Смысл митинга был простой: положение горьковских рабочих было немногим лучше положения шахтеров Кузбасса. Они требовали перемен. Куликов выступал сам: призывал рабочих бросать пить и выходить на улицы. Выступал и Немцов, но аудитория встретила его плохо. “Для тех лет у меня была достаточно радикальная программа: свобода слова, частная собственность, открытая страна, возвращение городу Горькому исторического имени и, естественно, закрытие атомной теплостанции”, — вспоминал потом Немцов¹³. Частную собственность рабочие не принимали и откликнулись недовольным гулом. На территорию завода Немцова не пустили — это делалось по распоряжению КГБ.

В 1990 году КГБ еще пытался перед выборами вставлять палки в колеса независимым кандидатам и следить за политическим порядком в стране — но уже скорее по инерции и без большого успеха. Фотокопии каждого номера стенгазеты, которую делали в ИПФАНе Чичагов с товарищами и которая, как и газета Ашина в НИРФИ, висела на видном месте у входа в столовую института, отправлялись в КГБ и обком партии. После того как на старте кампании в газете появилось интервью с Немцовым, Чичагова сначала вызвали в партком и потребовали снять страницы с интервью со стенда. Дело в том, объяснили Чичагову, что критика Немцова в отношении коммунистов тянет на уголовную статью за оскорбление коммунистической партии, причем под статью попадет не Немцов, а редакция. Прямых оскорблений в тексте не было: Немцов со свойственной ему прямоотой рассуждал о том, что коммунисты “недалекие люди” и, чуть что не по ним, “сразу начинают орать”. В общем, интервью надо снять, пока не начались неприятности. Чичагов с товарищами посоветовались и решили оставить все как есть — и Чичагова вызвал к себе прикрепленный к институту офицер КГБ. “Я ему говорю: я интервью снимать не буду”, — вспоминает Чичагов¹⁴. А у самого засосало под ложечкой. Но он свой выбор сделал, а КГБ уже не мог что-либо изменить. Аппарат насилия советского режима был сломан, без него коммунистическая власть потеряла контроль над обществом.

Однако на мелкие провокации КГБ еще вполне был способен. Во время предвыборной кампании Лев Цимринг вдруг увидел на пожарном столбе записку, которую он писал Немцову год назад на окружном собрании пе-

ред выборами народных депутатов СССР. Тогда на Немцова напали, его захлопывали, и, желая поддержать и ободрить товарища, Цимринг написал ему: “Боря, не расстраивайся, дерьмо — оно и есть дерьмо”. И подписался: Цимринг. И вот теперь — через год! — эта записка, сфотокопированная и размноженная, была развешана по городу. У Цимринга сомнений не было: это сделал кто-то из КГБ¹⁵. Смысл провокации тоже был совершенно понятен: евреи Немцов и Цимринг считают русских дерьмом.

Перестройка освободила общественное сознание, и к концу 80-х антисемитизм обрел свою нишу в публичном пространстве: слева советскую власть атаковали либералы и западники, справа — националисты и монархисты. Общество “Память”, построенное на вере в сионистский заговор, превратилось в заметную политическую силу. Еврейская кровь Немцова, по матери, не могла остаться без внимания. “Боря сразу сказал: хочу пойти на выборы и писать — Борис Ефимович Немцов, еврей, что тут скрывать, если это на каждом заборе, на любой листовке написано, лучше я сам скажу”, — вспоминает Нина Зверева. Проблема была в том, что в паспорте — в советских паспортах была графа “национальность” — Немцов был записан как русский, по отцу. “И я придумала, — говорит Зверева, — написать в листовке: «Борис Ефимович Немцов, мать еврейка, отец русский»”¹⁶. “Я интернационалист, — говорил Немцов в интервью горьковской газете «Ленинская смена» в феврале 1990 года. — У меня отец — русский, мать — еврейка. Жена у меня наполовину русская, наполовину татарка. Так что в моей дочери соединились три национальности. Я никогда не делил людей по национальному признаку, это варварство. В цивилизованных странах в документах не указывается национальность. Только в нацистской Германии и у нас”¹⁷.

На одну из встреч Немцова с избирателями пришли националисты. И когда он заговорил о том, что делать, чтобы народу было лучше, с мест раздался крик: “Какому народу?”, “Ты же еврей”, “За какой народ борешься?” Немцов ответил примерно так же, как в интервью: что он интернационалист, что национальность определяется не графой в паспорте, а культурой и традициями, — но главное были не сами эти слова, а то, как он держал удар. “И тут я увидел, что Немцов силен именно в противостоянии, — вспоминает Чичагов, — когда на него наезжают, он — кремень. Он ответил, ребята эти заткнулись, и в этот момент я понял: он победит на выборах”¹⁸.

У Немцова было 12 соперников, и все они представляли КПСС. Нина Зверева вспоминает теледебаты в прямом эфире: Немцов выступает последним, молодой, кудрявый, в модном свитере (одолжил у приятеля по такому случаю). Зверева подготовила речь, но, когда очередь дошла до Немцова, все уже устали: полтора часа предыдущих выступлений слились в один мутный гул. Зверева смотрела дебаты из дома: “И я даже подумала: Боря, откажись от речи, придумай что-нибудь. И тут он говорит: вы знаете, тут столько

людей все на свете обещают. А я ничего не буду обещать, кроме одного — пауза, — я не буду врать. Сказал и посмотрел в камеру, набычившись так. Я не буду врать. Это было гениально. И с тех пор он вот это — я не буду врать — изо всех сил старался повторять”¹⁹.

На фоне дюжины статусных функционеров в пиджаках и галстуках Немцов был воплощением новизны. Он олицетворял новый тип политика — современного, молодого, свободного и при этом абсолютно своего. Он победил во втором туре, но уверенно, и стал депутатом Первого съезда РСФСР. Так весной 1990 года Немцов начал политическую карьеру. В России наступало светлое время больших надежд.

Россия против СССР

В политической программе горьковской демократической коалиции суверенитет России не случайно шел первым пунктом. К весне 1990 года эта концепция стала главной движущей силой российской политики. У Горбачева сомнений не было: для Ельцина суверенитет России — это что-то вроде лома, которым тот собрался взламывать власть в стране. Его помощник Шахназаров так и писал потом в мемуарах: “Позиционная борьба соперничающих лидеров вскоре перешла в стадию открытой войны на всех мыслимых фронтах. Временами они сходились, так сказать, врукопашную, обмениваясь увесистыми политическими заявлениями и уничижительными оценками. Но инициатива постоянно исходила от Ельцина. Причем если до этого он держался на заднем плане, вступал в бой только после артподготовки, проведенной штабом и активистами Демроссии (массированные атаки на правительство в прессе, массовые демонстрации в Москве и Ленинграде, забастовки шахтеров), то после смерти А. Д. Сахарова занял место впереди атакующей колонны. Тараном, с помощью которого наносились мощные удары по союзному руководству и президенту, стала идея российского суверенитета”²⁰.

Личная вражда двух лидеров, Горбачева и Ельцина, в большой степени определяла повестку дня. Спустившись на этаж ниже, с союзного на республиканский, Ельцин стал расшатывать центральную власть. Он атаковал, а Горбачев оборонялся: Ельцин захватывал новую территорию — Горбачев лавировал, пытаясь удержать власть, которая выскальзывала у него из рук. Он сам нанес смертельную рану советскому режиму: разрушил монополию КПСС — в марте 1990 года добился отмены 6-й статьи Конституции о направляющей роли коммунистической партии, ввел пост президента СССР и стал им. Но список претензий со стороны коммунистических ортодоксов продолжал расти, а демократическая общественность теперь подозревала его еще и в стремлении узурпировать власть в стране. (Что в исторической перспективе было, конечно, несправедливо: Горбачев свою личную

власть только уменьшал, а не увеличивал.) Интеллигенция от него отвернулась. Горбачев все больше выглядел слабаком, не способным добиться успеха ни на одном направлении. И чем слабее был Горбачев, тем сильнее казался Ельцин.

Сама по себе идея отделения России от СССР звучала парадоксально, ведь СССР (по крайней мере, в его сталинско-брежневском понимании) и был “Большой Россией”, новой редакцией Российской империи. Как можно отделиться от себя самой? Парадоксальность самой постановки вопроса хорошо иллюстрирует сцена, которую описывает в книге Бориса Минаева вдова Ельцина Наина Иосифовна. Она вспоминает, как однажды ранней весной 1990 года Ельцин пришел домой со словами “Надо спасать Россию!”: “Я, честно говоря, ничего не поняла и даже испугалась. Какая Россия? Тогда был Советский Союз, и никто в таких категориях еще не мыслил. Я так и спросила:

- Боря, о чем ты, какая Россия?
- Нашу Россию!

Я уложила его, дала какие-то лекарства, травы, пощупала голову — может, горячая?”²¹

Окраины империи бунтовали уже открыто. Первой положила на стол Горбачеву свою декларацию независимости Эстония — еще в ноябре 1988 года. Затем подтянулись Литва и Латвия, а в августе 1989 года, в 50-летнюю годовщину пакта Молотова — Риббентропа, через все три республики выстроилась живая цепь — в цепи стоял каждый пятый житель Прибалтийских стран! Тогда в Москве стали понимать, что миром удержать Балтийские республики не получится. Движения за независимость крепили и в Закавказье, где кровь лилась уже регулярно: в апреле 1989 года Советская армия жестоко подавила митинг за независимость в Тбилиси, а через несколько месяцев — волнения в Баку. Крепло националистическое движение в Украине. По Восточной Европе прокатилась волна революций — сразу же, как только Советский Союз стал выводить оттуда войска. В ноябре 1989 года пала Берлинская стена, придав новый импульс дезинтеграции Советского Союза. Советская система перестала существовать — прежде всего в головах людей. Но Горбачев по-прежнему в нее верил. “Оказавшись перед тяжким для него выбором — продолжение перестройки или сохранение Союза, — Горбачев в тот момент выбрал Союз, надеясь, что ему удастся словчить и не пожертвовать при этом перестройкой, — пишет в мемуарах его помощник Андрей Грачев. — Так он встал на путь, который привел его к проигрышу того и другого”²².

А раз империи больше нет, то что представляет собой ее бывшая метрополия? К весне 1990 года на этот вопрос созрел ответ: Россия и ее народ тоже жертвы косной, лживой и авторитарной союзной — то есть коммунистической — власти. Этот ответ устраивал всех. Правому лагерю идея суверен-

нитета дала возможность продвигать националистическую идею (писатель-руссофил Валентин Распутин еще в июне 1989-го с трибуны Первого съезда рассуждал о том, не стоит ли России выйти из состава Союза: “Без боязни оказаться в националистах мы могли бы тогда произносить слово «русский», говорить о национальном самосознании”²³). Для демократов-западников российский суверенитет символизировал разрыв с советским тоталитарным прошлым — фундамент, на котором можно строить новое свободное государство. Суверенитет становился синонимом субъектности и свободы. На Первом съезде российских депутатов Ельцин так и сказал: “Самый главный, первичный суверенитет России — это человек, его права”²⁴. Наконец, на фоне наступившей экономической катастрофы и безволия союзного правительства все надежды на улучшение жизни уже были связаны с Ельциным — и с российской властью. В народе крепла надежда, что, сбросив балласт в виде союзных республик, Россия быстро станет богатой и успешной страной. Суверенитет обещал решительность в проведении реформ — и одновременно воплощал экономический интерес нарождавшейся российской элиты, уже готовой подвинуть пожилых союзных бюрократов.

“Русское «возрождение» стало остроактуальной идеей для абсолютно всех классов, слоев, политических движений, — писал Борис Минаев. — Ельцин придал этой идее черты сухого прагматизма”²⁵.

Народ за свободу

Немцов впервые увидел Ельцина на похоронах Сахарова 17 декабря 1989 года. “Ельцин стоял как медведь, — вспоминал он потом, — и голову поворачивал вместе с корпусом”. Познакомились они через четыре месяца — 14 апреля 1990 года. Депутаты от демократической коалиции собрались в здании Госстроя, чтобы обсудить предстоящий съезд. Привилегии еще работали, и новая депутатская жизнь сразу давала себя знать: билеты на поезд в Москву теперь можно было купить в отдельной кассе, в гостинице “Россия” депутатов селили с видом на Кремль, а в буфетах давали деликатесную рыбу и красную икру. Выступавший против привилегий Немцов даже устроил буфетчице скандал, когда та попыталась продать ему коробку дефицитных конфет. Депутатский блок “Демократическая Россия” насчитывал к тому моменту больше двухсот человек. Немцов входил в комиссию по подготовке съезда. Он диктовал журналистам ключевые идеологические установки из платформы “Демроссии”: “Первый съезд народных депутатов РСФСР должен сделать то, чего пока не удалось достичь на союзном уровне, — взять на себя всю полноту государственной власти в РСФСР”.

Еще совсем недавно демократы смотрели на Ельцина косо. Но к весне 1990 года это был уже совсем другой человек — и другой политик: не правивший с партией коммунист с популистскими замашками, а бунтарь и на-

родный лидер. “Популист — я не считаю это слово ругательным, — спокойно объяснял тогда Ельцин в одном из интервью. — Как раз многим руководителям не хватает связи с массами, они не знают, как к этой проблеме подступиться”²⁶. Масштаб личности Ельцина уже затмевал все его возможные недостатки, как бы ни раздувала их официальная советская пропаганда. Листовки и газетные статьи, изображавшие его пьяницей, производили обратный эффект и только умножали его популярность: пьет — во-первых, наверняка клеветают, во-вторых, значит, наш, свой. Таких митингов, которые собирались на площадях Москвы и в других городах России в начале 1990 года, Россия не видела никогда. Это были митинги не только в поддержку Ельцина — это были выступления за свободу. “Бывают в истории моменты, когда люди жаждут свободы, — говорил Немцов много лет спустя, — в новейшей истории России такой момент был. Это конец 80-х — начало 90-х. Народ жаждал свободы! Когда на Манежной площади собрались миллион человек, которые требовали сокрушить коммунизм и дать людям свободу, это был искренний порыв!”²⁷

Выдающаяся ельцинская харизма, умноженная на всенародную любовь, была наотмашь: крупный, очень большой человек, очень русский, с красивыми, рельефными чертами лица, пусть грубоватый, но невероятно живой, решительный, смелый, честный. Ельцин воплощал надежды всех слоев общества на счастливое будущее — будущее, которое очень скоро наступит, если идти путем реформ, когда свобода и полные прилавки будут друг от друга неотделимы. Немцов смотрел на Ельцина точно так же. Для него Ельцин был сверхчеловеком, гигантом, способным повернуть колесо истории: “Я понимал, что встречаюсь с легендарным человеком, думал, что он прочтет лекцию о свободе, демократии, правах человека, — вспоминал Немцов. — А когда поздоровались, Ельцин вдруг сказал: «Ну какие у вас есть идеи, с чего начнем работать в Верховном совете, какие есть предложения?» И практически все два с половиной часа, пока длилась встреча, Ельцин молчал. Записывал за нами, что меня несказанно поразило. Может, сказал в конце несколько слов общего характера — что ему очень понравилась встреча, что были важные предложения, причем они касались не только государственного устройства страны, но и проблем развития предпринимательства, налогов и так далее. Меня удивительная скромность Ельцина просто поразила, я думал, что все будет иначе...”²⁸

На съезде демократы решали две основные задачи: избрать Ельцина председателем Верховного совета и воплотить в жизнь первый пункт своей политической программы — провозгласить российский суверенитет. Эти задачи дополняли одна другую: суверенитет делал осязаемой власть будущего председателя, а с таким лидером, как Ельцин, было понятно, зачем нужен суверенитет. Работа над декларацией закипела еще накануне съезда. “Я отлично помню, — рассказывает Чичагов, — прибегает Немцов, гово-

рит: давай писать декларацию независимости. Я стал смотреть в декларации других стран, потом мы обсуждали, что там должно быть. И я сидел печатал наш текст на машинке. А потом Немцов его схватил и побежал”²⁹.

Немцов понес свой вариант на совещание в специально созданную для работы над декларацией комиссию. Немцову нужен был свой набросок, “рыба”, чтобы было что обсуждать. Впрочем, романтический пафос декларации всем демократам был одинаково очевиден: Российская Федерация была полупустой формальностью в составе большой страны под названием СССР — теперь на этом месте должно было появиться настоящее демократическое государство с разделением властей, независимым судом, гарантиями политических прав и свобод и неподвластное диктату КПСС.

Двусмысленность положения России внутри Союза, конечно, осталась: съезд российских депутатов, отмечалось в тексте Декларации, “заявляет о решимости создать демократическое правовое государство в составе обновленного СССР”, причем этот обновленный СССР должен был появиться на основе некоего нового договора между республиками. Но появился и другой важнейший пункт — о приоритете российских законов над союзными. В переводе на русский это в первую очередь означало, что Россия не хочет больше кормить другие республики Союза и хочет сама контролировать свой бюджет.

С этим текстом и выступил Борис Ельцин, пока еще один из тысячи с лишним депутатов съезда. Скоро он победил на выборах председателя Верховного совета России. Выборы председателя Верховного совета — фактически на тот момент главы России — имели историческое значение. Это был решающий раунд схватки между Горбачевым и Ельциным. Александр Любимов, тогда один из ведущих программы “Взгляд”, самого острого и самого популярного телешоу тех времен, и одновременно депутат, вспоминает, как он сам, Немцов и другие молодые демократические депутаты агитировали депутатов-коммунистов голосовать за Ельцина, а не за кандидата Политбюро. Те, у кого, как у Любимова, уже были деньги, скинулись, купили за валюту ящик импортного пива в банках — немислимая роскошь по тем временам — и раздавали это пиво коммунистам в обмен на голосование за Ельцина. “Те спрашивали: «А если я возьму пиво, а проголосую все равно против Ельцина?» — рассказывает Любимов. — А мы им отвечали, что при Ельцине такое пиво будет доступно всем, и им в том числе”³⁰.

ЦК КПСС и Горбачев противодействовали избранию Ельцина как могли. Горбачев даже сам приезжал на съезд, чтобы агитировать против Ельцина. В итоге Ельцин победил с третьей попытки и с перевесом в четыре (!) голоса. Именно эта победа открыла ему дорогу к высшей власти, и именно в этот момент Горбачев потерпел от него решающее поражение.

Но тогда этого еще не понимал никто, и тем более сам президент СССР, который, как писал его помощник Шахназаров, в тот момент “ни во что

не ставил Ельцина, сам себя убеждал, что потенциал соперника исчерпан, и пытался убедить в том же общество»³¹. Выиграв выборы, Ельцин взмолился на самую верхнюю ступеньку в российской иерархии. В своих мемуарах Ельцин вспоминает, как вошел в свой новый просторный кабинет в Белом доме — в том самом здании, по которому через три года по его приказу будут стрелять танки, — и, услышав от помощника «Смотрите, Борис Николаевич, какой кабинет отхватили!», задумался: «Ну и что дальше? Ведь мы не просто кабинет, целую Россию отхватили»³².

На вопрос, что это значило — «отхватить Россию» — и что такое вообще Россия, отвечала Декларация о государственном суверенитете, прообраз будущей конституции. 12 июня 1990 года под грохот аплодисментов Декларация была принята на съезде подавляющим большинством: из тысячи с лишним депутатов более 900 проголосовали «за». «Самое главное достижение съезда — это то, что мы выбрали председателем Верховного совета РСФСР Бориса Николаевича Ельцина, — объяснял потом журналистам Борис Немцов. — Это человек с очень большими потенциальными возможностями, человек, несомненно, умный, прогрессивный и очень работоспособный. Важным мне кажется и наше стремление изменить систему: и политическую, и экономическую. Сейчас, наверное, уже все понимают, что без радикального изменения политической системы невозможно совершить и экономический переворот»³³.

А еще через месяц Ельцин демонстративно выйдет из КПСС — прямо на съезде партии, на глазах у Горбачева и всего Политбюро. Российский лидер поставит под своим прошлым жирную точку, и с этой точки начнется новый исторический этап — строительство демократической, свободной России.

Последний шанс сохранить Союз

В Верховном совете России, том самом российском «парламенте», который возглавил Ельцин и который стал работать после того, как закрылся съезд, Немцов пошел в комитет по законодательству*. Сергей Шахрай, в ближайшем будущем один из ключевых участников ельцинской команды, тогда только возглавил этот комитет. Он прекрасно помнит, как к нему пришел Немцов: «Был жаркий летний день. Я точно помню: светлые штаны, сандалии, рубашка с коротким рукавом. Улыбка, волосы в разные стороны. Говорит: «Сергей Михайлович, я хочу работать в комитете по законодательству». Я его спрашиваю: «Зачем? Вы же физик». А он говорит: «Хочу пи-

* Верховный совет России, постоянно действующий орган съезда, формировался из числа народных депутатов по сложной процедуре. Регламент позволял народным депутатам входить в составы комитетов и комиссий Верховного совета, и Немцов, не будучи членом ВС, входил в состав комитета по законодательству.

сать закон о земле». Тут у меня челюсть отвисла. «Я, — говорит, — знаю, какие проблемы этим законом надо решить. Поручите мне в комитете вести этот закон». Совершенно удивительное предложение, нестандартное. Думаю: или у него что-то интересное получится, или шею свернет. Говорю: «Давайте попробуем»³⁴.

Летом 1990 года на страну надвигался голод. Причем это была не метафора: с прилавков пропало все. На талонную систему перешла даже столица, которая традиционно снабжалась лучше других больших городов. В родном для Немцова Горьком городские депутаты требовали отпустить собирать урожай всех от мала до велика, кроме сотрудников скорой помощи, чтобы хоть как-то обеспечить пропитание в городе. По России прокатились табачные и водочные бунты — даже в Москве люди перекрывали улицы, требуя сигарет. «Редакцию захлестнули звонки от жителей города, которые не могут отоварить свои талоны на мясопродукты, на сахар, — писала горьковская газета «Ленинская смена». — «Сколько это будет продолжаться!» — восклицают издерганные ежедневными мытарствами люди. Выслушивая каждый день массу упреков, жалоб и даже угроз, мы собственной кожей чувствуем, как повышается температура общественного негодования. Промедление чревато социальным взрывом!»³⁵

Горбачев и союзное правительство колебались, но Ельцин понимал, что ждать нельзя. Разработка реформ — либерализация рынка земли и торговли, введение частной собственности — началась полным ходом. Все надо было делать с нуля. Семьдесят два года страна не знала частной собственности, а единственно возможными формами ведения сельского хозяйства были колхозы и совхозы. Идея перехода к частной собственности на землю звучала как предательство дела социализма — и вообще это было что-то неслыханное. Будущий министр сельского хозяйства Виктор Хлыстун помнит, как Немцов явился на заседание рабочей группы по земельной реформе в июне 1990 года: «Он плохо представлял себе суть земельных отношений, но ему очень импонировала сама идея многообразия форм собственности. Он выступил коротко и жестко. И стал регулярно приходить на заседания аграрного комитета по земельной теме»³⁶.

Идея Хлыстуна заключалась в том, чтобы помимо частной собственности на землю в сельском хозяйстве появились кооперативы и фермы. Чтобы помочь Хлыстуну, Немцов стал продвигать реформу в своем комитете. В итоге закон был принят. Но в повестке дня стоял и другой вопрос: а кто все это будет проводить в жизнь? Так Немцов познакомился с экономистом Григорием Явлинским, который в течение уже нескольких месяцев разрабатывал программу реформ и только что стал вице-премьером нового российского правительства. Скоро эта программа получит название «500 дней». Работа над ней шла на специально выделенной для этого даче под Москвой, в поселке Архангельское. Летом 1990 года Немцов с Раисой

прожили в Архангельском около месяца. Там Немцов и увидел Явлинского: “Обсуждали, как ни странно, земельную реформу, — вспоминал Немцов. — Было много и других вещей, связанных с деталями программы «500 дней», со стратегией приватизации, демонополизации рынка, отпуска цен, создания открытой экономики и так далее... Мы с Явлинским даже обсуждали назначение министра сельского хозяйства, поскольку я в комитете по законодательству занимался проблемами земельной реформы. И тогда был назначен Виктор Николаевич Хлыстун. Очень даже неплохой министр”³⁷.

Звезда Явлинского только поднималась на небосклоне. К середине 1990 года ни у одного профессионального и идеологически незашоренного экономиста уже не было сомнений в том, что надо делать. Программа рыночных реформ, запущенная в Польше экономистом Лешеком Бальцеровичем, служила ориентиром. Можно было спорить о деталях, но и диагноз, и суть необходимой стране экономической терапии были всем очевидны: либерализация цен, финансовая стабилизация, приватизация. Все это было в программе “500 дней”, и, как писал Егор Гайдар, “одно публицистическое нововведение было, без сомнения, блестящим — раскладка по дням”³⁸.

Изначально программа Явлинского была рассчитана на 400 дней. В руках Ельцина она оказалась почти случайно, в мае 1990 года. Сам Явлинский потом уверял, что кто-то просто украл текст у него из рабочего компьютера в офисе союзного правительства, где он тогда занимал невысокую должность главы отдела. Одним майским днем ему позвонил профессор экономики и его коллега по союзному правительству Евгений Ясин со словами: “А там Ельцин куски из твоей программы зачитывает...” Причем из слов Ельцина следовало, что реформы продлятся 500 дней, а не 400. Явлинский грешил на экономиста и соратника Ельцина Михаила Бочарова, который был вхож к Горбачеву и при этом метил в премьер-министры России. И Явлинский пошел к нему. “Зачем вы обманываете Ельцина, — сказал он Бочарову, — ведь это союзная программа. У России в подчинении одни химчистки и прачечные... И уж тем более не обойтись без повышения цен”. Через несколько дней Явлинского в своем кабинете уже ждал Ельцин. Аргументы на него не действовали. Выслушав возражения, он нахмурился и произнес: “Должно быть, как я сказал: за 500 дней и для России. Идите готовьте текст”³⁹.

Так Явлинский совершил стремительный карьерный взлет — из кресла главы отдела в союзном правительстве он пересел ни много ни мало в кресло республиканского вице-преьера. Но программа тем не менее оставалась невыполнимой на российском уровне: без включения союзных рычагов власти она превращалась в филькину грамоту. Союзные республики все еще были беспомощны перед центром. Тогда Явлинский понял: это должна быть совместная программа СССР и России, ведущей союзной республики. Значит, надо идти к Горбачеву. Но как убедить Горбачева объеди-

нить усилия с Ельциным, а Ельцина — заключить союз с Горбачевым? Сначала Явлинский полетел к Ельцину, который уехал отдыхать в Юрмалу. Там во время прогулки по пляжу Явлинский рассказал ему о своей идее: надо создать рабочую группу на уровне двух правительств и подготовить общую реформу — пускай Россия встанет в авангарде реформы экономики всего СССР. Поколебавшись, Ельцин согласился. “Так я могу идти к Горбачеву?” — спросил Явлинский. Ельцин кивнул⁴⁰.

Горбачева уговаривать не пришлось. Подавленный нанесенными ему поражениями на российском съезде, он увидел в программе Явлинского выход из тупика. Кроме того, экономические реформы — и сотрудничество с Ельциным — приближали его к заветной цели: удержать СССР от распада. Биограф Горбачева Уильям Таубман рассказывает, что, когда экономический советник президента СССР Николай Петраков принес ему записку с кратким изложением программы Явлинского, Горбачев “сначала бегло просмотрел послание, но затем вчитался в него и с явными признаками оживления спросил:

- Где этот парень?
- Он сидит у себя на работе.
- Где он работает?.. Зови его скорее”⁴¹.

Программой “500 дней” Горбачев заинтересовался всерьез. Он сам встречался с командой Явлинского и заставлял встречаться едва ли не всех министров. Совещания шли одно за другим, и Горбачев лично вникал в детали. Но союзное правительство во главе с премьер-министром Николаем Рыжковым восстало против перемен. Советская бюрократическая система просто не могла доверить свое будущее 30-летним экономистам, рассуждавшим про свободные цены и частную собственность. Те тоже были настроены решительно. На одно из таких совещаний в Архангельском приехал Николай Рыжков — с кортежем, как положено главе союзного правительства, — и даже привез с собой обед на всех участников из специального пайка премьера (еда, о которой молодые экономисты в 1990 году могли только мечтать). Во время совещания 28-летний научный сотрудник Андрей Вавилов, в будущем заместитель министра финансов в правительстве Егора Гайдара, при всех порекомендовал Рыжкову уйти в отставку. Тот ментально встал, вышел из помещения и уехал. Несмотря на энтузиазм Горбачева, у программы “500 дней” не было шансов: мышление старой гвардии и программа радикальных реформ были несовместимы.

Переговоры и совещания продолжались около месяца, и в конце концов Горбачев сдался. Он так и не смог решиться на резкие шаги в экономике. Программа “500 дней” была похоронена. “Ну как я мог вам доверить будущее страны? Вы были такие неопытные, я вас вообще не знал”, — спустя много лет объяснял Горбачев свой отказ Сергею Алексашенко, одному из авторов программы “500 дней”⁴². Так, возможно, был упущен последний

шанс реформировать Советский Союз по управляемому сценарию. В октябре 1990 года Явлинский подал в отставку и ушел из ельцинского правительства. “С этого момента вплоть до осени 1991 года о какой бы то ни было экономически осмысленной политике можно было забыть. Между рушащимся Союзом и Россией началась ожесточенная борьба за власть”, — писал Гайдар⁴³.

Ельцин снова пошел в атаку. “Самый крупный результат нашей работы — создание программы радикальной экономической реформы, — говорил он с трибуны Верховного совета РСФСР. — Инициатива по ее разработке принадлежит России... Но ситуация в республике не улучшается. Главная причина — экономическая необеспеченность нашего суверенитета”⁴⁴. Ельцин хорошо понимал, что он делает. Он опять начинал подготовку к выборам. Он хотел стать президентом.

Немцов за границей

Став народным депутатом РСФСР, Немцов погрузился в политическую жизнь. НИРФИ выделил ему как депутату комнату на цокольном этаже в одном из своих помещений. Борьба с КПСС по-прежнему была в центре политики, и в штабе Немцова в Горьком началась работа над антикоммунистической газетой. “Мы стали бороться против Горбачева и за Ельцина”, — вспоминает соратник Немцова тех лет Виктор Лысов: агитировали за него, поддерживали все его начинания. А в Москве обаятельный и общительный Немцов завел тысячу новых знакомств — от депутатов до телезвезд.

В частности, Немцов близко сошелся с депутатом Виктором Аксючицем. Через семь лет, когда Немцов придет в Москву на должность первого вице-премьера, Аксючиц станет его советником, а тогда Аксючиц был, во-первых, религиозным активистом — одним из основателей Российского христианского демократического движения, — а во-вторых, одним из первых российских успешных предпринимателей. И благодаря Аксючицу в августе 1990 года Немцов впервые в жизни оказался за границей — в Париже, где Аксючиц проводил конгресс молодых христиан и встречи с российскими эмигрантами.

В 1990 году контраст между серой, темной, полуголодной советской реальностью и миром Запада вызывал у любого, кто там оказывался впервые, глубокий культурный шок. Это было сравнимо с высадкой на другую планету. Помощник Ельцина Лев Суханов в своих мемуарах вспоминает потрясение своего шефа от прогулки по обычному супермаркету в Хьюстоне во время визита в США в сентябре 1989 года. После этого, уже в самолете, Ельцин долго не мог прийти в себя, “сидел, зажав голову ладонями”, а потом уже дал волю чувствам: “До чего довели наш бедный народ...” — при-

читал он. “Я допускаю, — писал Суханов, — что именно после Хьюстона... у Ельцина окончательно рухнула в его большевистском сознании последняя подпорка” *⁴⁵. Мир капитализма в его повседневном воплощении оказался настолько лучше — во всех смыслах слова — советской жизни, что это было очень трудно уложить в голове. Немцов, конечно, был не так сентиментален, как Ельцин, но и он ходил по Парижу вытаращив глаза — и по Елисейским Полям с их магазинами и бутиками, и по Монмартру с его уличными художниками, и по улице Сен-Дени с ее секс-шопами, стриптизом и дешевыми варьете. “Он сдерживал свои чувства, — вспоминает Аксючиц, который в молодости был моряком и бывал в европейских столицах, а потому сопровождал Немцова в прогулках по Парижу на правах старшего опытного товарища, — но было видно, что он в шоке от всего этого невероятного блеска”⁴⁶. Въяве Запад выглядел сбывшейся мечтой — мечтой, которую и в России можно воплотить в жизнь, если Россия будет свободной.

В эти месяцы в голове у Немцова, как и у подавляющего большинства демократически настроенных людей, понятия “Ельцин” и “свобода” уже были почти синонимами. И это представление крепло по мере того, как Горбачев все чаще полагался на коммунистических ортодоксов в своем окружении, а союзная власть все прочнее ассоциировалась с политической реакцией. Перестройка себя дискредитировала новым повышением цен и денежной реформой, которую в народе называли “павловской” (по имени нового премьер-министра Валентина Павлова). Продолжались шахтерские забастовки. В январе 1991 года Москва решилась на силовые действия в объявившей независимость Литве: советские танки вошли в Вильнюс, и при штурме телецентра 14 человек погибли (до сих пор неизвестно, участвовал ли в принятии этих решений сам Горбачев). С этого момента демократические митинги в Москве и других городах России уже носили отчетливо антигорбачевский характер. Причем в Москве под лозунгами “Сегодня Литва. Завтра Россия. Не допустим!” и “Свобода умрет вместе с нами” на улицы выходили сотни тысяч людей. Горбачев пытался даже запрещать митинги, но безуспешно. Ельцин уже открыто — в телевизионном интервью, которое транслировалось на весь Советский Союз, — призывал Горбачева уйти в отставку⁴⁷.

В этом контексте всероссийский референдум 17 марта 1991 года о введении поста президента России воспринимался как еще один шаг к свободе. Немцов стал одним из примерно ста доверенных лиц Ельцина, когда тот пошел на выборы. Известный в народе депутат, уже добившийся выполнения как минимум двух своих предвыборных обещаний — городу Горькому было возвращено его историческое название Нижний Новгород, а сам го-

* Немцов, в частности, пересказывал историю, которую ему поведал влиятельный тогда депутат Николай Травкин: как они с Ельциным зашли в супермаркет в ходе поездки в Швецию и Ельцин “расплакался прямо там”.

род открыли для иностранцев, — Немцов теперь агитировал за Ельцина как кандидата в президенты. Сомнений в том, что Ельцин выборы выиграет, в команде Немцова не было. Исход выборов был ясен — вопрос был лишь в том, понадобится ли второй тур.

Удивительным образом, даже тогда, будучи российским депутатом и доверенным лицом Ельцина, Немцов еще не думал, что политика навсегда станет его призванием. Свой поход в политику он воспринимал как временный. Он продолжал преподавать и все еще видел свое будущее в науке. Он не лукавил и не кокетничал, когда в одном из интервью в мае 1991 года говорил: “Настал такой момент, что уже и наукой стало трудно заниматься. Сейчас наше будущее и наше судьба — они в политической жизни. Я надеюсь, что года через три-четыре и научная интеллигенция, и творческая отойдут от политики: будет возможность и им, и другим людям свободно трудиться, чтобы им никто не мешал. Наше присутствие в политике недолговечно — именно интеллигенции”⁴⁸.

Такое в это время было понимание жизни. У тех, кто занимался тогда политикой, не было ощущения, что это всерьез и надолго. “Казалось, [в политику] можно сходить и потом уйти”, — вспоминал потом один из будущих соратников Немцова по правительству Александр Шохин⁴⁹. В эти майские дни 1991 года ни Немцов, ни другие не подозревали, что через несколько месяцев Советский Союз перестанет существовать и их жизнь изменится навсегда.

Глава 3

Последняя битва. 1991

Первый президент

Парадоксальным образом, Горбачева в то время одновременно обвиняли и в диктаторских замашках, особенно после зимы 1991-го, и в слабости. Чаще в слабости. И Ельцин шел в президенты России на контрасте с не решительностью Горбачева и всей союзной власти: Горбачев боится реформ — он, Ельцин, готов к ним; Горбачев лавирует и петляет — он, Ельцин, идет прямо вперед, к демократии. Идея, что президент страны должен быть сильным и решительным, вытекала из политического контекста, из самой борьбы между Ельциным и Горбачевым. “Главный парадокс России заключался в том, что ее государственная система давно брела сама собой, по большому счету ею никто не управлял, — напишет Ельцин в своих мемуарах. — По-настоящему властного лидера в России давно уже не было”¹. Президент должен быть лидером, лидер должен быть сильным — эти истины в доказательствах не нуждались.

Ровно через год после того, как была принята Декларация о суверенитете РСФСР, Ельцин победил в первом туре президентских выборов и стал первым президентом России. Инаугурация была назначена на 10 июля. Торжественность момента невозможно было переоценить. Все происходило впервые. Впервые во главе России встал всенародно избранный президент. Впервые он присягал перед своим народом. Впервые звучали слова об ответственности власти перед обществом.

“Веками в нашей стране власть и народ были на разных полюсах... Веками государственный интерес ставился выше человека, — говорил Ельцин на торжественной церемонии перед российскими депутатами. Он заметно нервничал, но лишь один раз взглянул на текст, который держал в ладони. — Впервые граждане России сделали свой выбор. Они выбрали не только президента, но прежде всего тот путь, по которому предстоит идти нашей родине. Это путь демократии, путь реформ, путь возрождения достоинства человека”².

И под “Патриотическую песню” Глинки — гимн России с ноября 1990 года — над одним из корпусов Кремля, где Горбачев выделил для Ельцина резиденцию, был поднят российский флаг. (Это был хорошо знакомый всем советским людям флаг РСФСР — красный с синей каймой у древка.) Наступило удивительное время, хотя и ненадолго. Два медведя сидели в одной берлоге, а над Кремлем развевались два флага одновременно — союзный и российский. Ни в этот момент, ни позже у Ельцина не было сомнений, что ему судьбой предначертана историческая миссия — провести Россию через бури реформ к подлинной свободе.

Горбачев принимает гостей

В теплый июньский день 1991 года в резиденцию посла США в СССР вошел Гавриил Попов, один из лидеров демократического движения, только что победивший на выборах мэра Москвы. Расположившись вместе с послом Джеком Мэтлоком за столом в его кабинете, Попов начал разговор ни о чем и одновременно написал что-то ручкой на листе бумаги. Он понимал, что резиденцию прослушивает КГБ. Подвинув записку к себе, Мэтлок прочел: “Готовится попытка снять Горбачева. Надо сообщить Борису Николаевичу”. Только что избранный президентом Ельцин находился в тот момент в Вашингтоне, через три часа должна была состояться его встреча с президентом США Бушем. Мэтлок написал в ответ: “Я передам. Кто это делает?” Попов снова взял ручку и написал четыре фамилии: Павлова, главы советского правительства, председателя КГБ Крючкова, министра обороны Язова и председателя Верховного совета СССР Лукьянова.

Вечером Мэтлок уже был у Горбачева в Кремле, но фамилий ему называть не стал. “Ну как можно было поверить, — писал потом Мэтлок в своих мемуарах, — что американский посол сообщает главе государства, которое до недавнего прошлого было противником его страны, что премьер-министр этого государства, глава разведки, министр обороны и председатель парламента устраивают против него заговор?”^{*3} Выслушав Мэтлока, Горбачев усмехнулся и заверил его, что все под контролем. А после встречи сказал своему помощнику Черняеву: “Ты знаешь, [Евгений] Примаков (в тот момент член Совета безопасности СССР и один из соратников Горбачева. — М. Ф.) мне вчера заявляет: «Михаил Сергеевич, вы слишком доверились КГБ, службе вашей безопасности. Уверены ли вы в ней?» «Вот, говорит М. С., и этот — паникер»”, — вспоминает Черняев⁴. Горбачев был самоуверенным идеалистом. Он не мог поверить, что его собственные назначенцы поднимут на него руку^{**}.

О подготовке путча Горбачев мог судить и по другим признакам. На самом деле партия реакции шла в атаку с конца 1990 года, а Горбачев поначалу ей даже подыгрывал: во-первых, потому что был поглощен войной с Ельциным; во-вторых, потому что просто был растерян. Проиграв свою последнюю политическую кампанию — за программу “500 дней”, — он перестал понимать, что делать дальше. “Он исчерпал себя интеллектуально как политик. Он устал, — писал потом Черняев. — Время обогнало его, его

* У Попова были свои источники в КГБ. Один из родоначальников демократического движения Евгений Савостьянов рассказывает в своей книге “Демократ-контрразведчик”, что идея отправить Попова к Мэтлоку принадлежала ему: никакого другого надежного способа переправить информацию через океан не было. Но Буш, вместо того чтобы проинформировать Ельцина, сам позвонил Горбачеву.

** После возвращения из Фороса Горбачев сказал на пресс-конференции, что больше всего доверял Крючкову и Язову.

время, созданное им самим”⁵. Зато воодушевились консерваторы. В январе спланированная председателем КГБ Владимиром Крючковым кровавая попытка переворота в Вильнюсе стала, по сути, первой репетицией путча. Затем на стол Горбачеву легли подготовленные в КГБ записки о том, что в ходе массовых демократических митингов планируется штурм Кремля. Горбачев поддался на эту дезинформацию — запретил демонстрации и даже дал согласие на ввод войск в Москву. В столицу вошли бэтээры и 50 тысяч военных, но Горбачев передумал и распорядился вывести войска.

Ситуация изменилась в середине весны, когда Горбачев начал переговоры с Ельциным и другими руководителями союзных республик о новом союзном договоре. Эти переговоры вошли в историю как новоогаревский процесс. Смысл их был в том, чтобы перереформатировать СССР: дать Союзу еще один шанс уже как федерации независимых государств, делегирующих центру некоторые конкретные функции, такие как оборона, денежная эмиссия и пр. Новоогаревский процесс знаменовал новое перемирие между Горбачевым и Ельциным, и теперь реакционеры в союзной власти уже шли против Горбачева, а не вместе с ним против демократов и Ельцина.

Первые требования отставки Горбачева прозвучали на пленуме ЦК КПСС еще в апреле. А в июне, за три дня до визита Попова к Мэтлоку, на сессии Верховного совета СССР новый союзный премьер-министр Павлов со свойственной ему наглостью потребовал наделить правительство чрезвычайными президентскими полномочиями — по сути, отнять их у президента. Павлов ссылаясь на то, что Горбачев слишком загружен работой. Для Горбачева это обращение Павлова к парламенту стало полным сюрпризом.

А еще через час с той же трибуны уже Владимир Крючков рассказывал депутатам, как десятки лет назад американская разведка внедрила в российское руководство своих агентов. Он имел в виду уже отодвинутого Горбачевым “архитектора перестройки” Александра Яковлева, который в конце 50-х годов стажировался в Колумбийском университете в Нью-Йорке, а затем служил советским послом в Канаде. Впервые с перестроечных времен с высоких трибун зашла речь о направляемой Западом пятой колонне во власти — через 15–20 лет на этом тезисе будет строиться государственная пропаганда, — но, главное, как писал про эту сцену биограф советского президента Уильям Таубман, “невозможно было себе представить более наглую атаку на Горбачева”⁶.

Горбачев пропустил и этот удар. Отставка не последовало. Горбачев уже столько раз демонстрировал безволие и слабость, что его соратники-охранители вели себя как стая хищников, почувствовавших запах крови. Так стихийно созрел заговор против перестройки и против Ельцина с Горбачевым одновременно. В конце июля газета “Советская Россия”, где два года назад вышло то самое сталинистское письмо Нины Андреевой, опублико-

вала “Слово к народу” — воззвание, которое можно считать манифестом будущего ГКЧП (и подписанное некоторыми его членами). “Как случилось, — вопрошали авторы, — что мы... допустили к власти не любящих эту страну, раболепствующих перед заморскими покровителями, там, за морем, ищущих совета и благословения?.. Скажем «нет» губителям и захватчикам!”

В ночь с 29 на 30 июля Горбачев, Ельцин и президент Казахстана Назарбаев встретились в резиденции Горбачева в Ново-Огареве. Проект нового союзного договора был готов, и президенты решили перенести подписание с конца сентября на 20 августа. Кроме того, Ельцин требовал, чтобы Горбачев отправил в отставку Павлова, Язова и Крючкова, — и Горбачев согласился. Обсуждая этот деликатный кадровый вопрос, трое лидеров даже специально вышли на балкон — по просьбе опасавшегося прослушек Ельцина. И Ельцин и Горбачев потом настаивали, что их разговор все равно был записан КГБ и передан Крючкову — и тот понял: медлить больше нельзя, надо действовать. Впрочем, будущим путчистам прослушка и не требовалась. “Одного только текста союзного договора было достаточно, — пишет исследователь путча немецкий журналист Игнац Лозо, — чтобы Крючков, Язов и Павлов однозначно поняли, что в случае его подписания они в значительной мере или полностью потеряют власть”^{*7}.

Последний председатель КГБ СССР Владимир Крючков успел поработать прокурором еще при Сталине. Но определяющим для его мировоззрения стал 1956 год, когда он, уже перейдя на дипломатическую службу, работал секретарем советского посольства в Будапеште — под началом будущего председателя КГБ и генсека Юрия Андропова. Андропов тогда служил советским послом в Венгрии и с тех пор навсегда стал для Крючкова и ментором, и начальником, и путеводной звездой. Андропов и Крючков своими глазами видели, как в октябре 1956 года Венгрия восстала против коммунистической власти, как Советская армия натолкнулась на ожесточенное сопротивление на улицах Будапешта, как после распоряжения Никиты Хрущева вывести войска из города начались расправы над коммунистами — их вешали на деревьях — и как Советская армия вернулась в Будапешт и утопила восстание в крови. Андропов и Крючков своими глазами увидели, на чем держится власть — на силе и на страхе — и что случается с этой властью, когда силы и страха нет.

Сам фаворит и ставленник Андропова, Горбачев с самого начала видел в Крючкове прежде всего андроповского помощника, который звезд с неба не хватает, зато будет ему послушен и услужлив. Именно так в 1988 году,

* По приказу Крючкова КГБ действительно давно прослушивал телефонные разговоры Ельцина и других российских лидеров, но утверждать наверняка, что тот самый исторический разговор на балконе в Ново-Огареве был подслушан, нельзя. Лозо полагает, что это один из многочисленных слухов, рожденных драматическими событиями августа 1991 года.

в разгар перестройки, судьба и вознесла Крючкова в председатели КГБ, на должность, для которой трудолюбивый, но малообразованный аппаратчик — тихий старичок со стальным взглядом, как назовет его в своих мемуарах Ельцин, — конечно же подходил плохо. Крючков честно пошел за Горбачевым, но перестройку принять не смог: с каждым новым днем лояльность давалась ему все труднее. К весне 1991 года он уже был одним из лидеров консервативного крыла в окружении Горбачева, которое стремилось любыми способами повернуть перестройку вспять и восстановить контроль над расплывающейся советской империей.

Первого августа Ельцин первым раскрыл карты: он объявил, что новый союзный договор будет подписан 20 августа. Второго августа это официально подтвердил Горбачев. Это означало, что дороги назад нет: новые отношения между центром и республиками — реальность самого ближайшего будущего. Еще через день, 4 августа, Горбачев улетел в отпуск — в свою резиденцию в Форосе, в Крыму, а на следующий день, 5 августа, Крючков собрал будущих путчистов в секретной резиденции КГБ в Ясеневе (так называемый объект АБЦ). Именно он возглавил заговор, и именно он сформулировал заговорщикам их задачу: полететь к Горбачеву в Форос, предложить ему ввести чрезвычайное положение в стране, а если тот не согласится, “временно” передать президентские полномочия вице-президенту Геннадию Янаеву.

Восемнадцатого августа примерно в 16.30 в резиденции президента СССР в Форосе была отключена связь с внешним миром. А еще через 20 минут Горбачеву доложили, что к нему прилетели незваные гости из Москвы. Испуганный и опешивший, Горбачев тем не менее отказался подписывать указ о чрезвычайном положении, отправил гостей восвояси, и те вернулись в Москву ни с чем. Вечером того же дня по зову Крючкова будущие путчисты собрались в Кремле. Так был образован Государственный комитет по чрезвычайному положению, который своим указом передал себе власть в стране. Началась подготовка к вводу войск в Москву. Тексты для радио и телевидения в спешке готовились уже ночью. В 6 утра 19 августа указы ГКЧП были зачитаны в экстренных выпусках новостей. В Советском Союзе произошел государственный переворот.

1917-й или 1964-й?

Немцов с Раисой прилетели в Москву 18 августа. В столице они были проездом: шестилетнюю Жанну оставили в деревне с бабушкой, а сами на следующий день должны были улететь в Сочи, привычное место отпуска, где Немцов продолжал осваивать свой любимый серфинг. Остановились в гостинице “Россия” прямо под кремлевскими стенами — Немцов, как депутат, останавливался там всегда. Заселившись в номер, они легли спать, выключив перед этим телефон из розетки — чтобы не будили. Проснулись они

от стука в дверь: помощница Немцова Татьяна Гришина дозвонилась до дежурного и попросила дойти до номера. Немцов сразу включил телевизор. По всем каналам шел балет “Лебединое озеро”.

Утром 19 числа время как будто повернулось вспять: по пустым московским проспектам двигались колонны танков, и вместе с ними в столицу хлынул мрачный, тяжелый, холодный дух советского прошлого. В указах ГКЧП говорилось о переходе президентских полномочий Горбачева — “в связи с невозможностью исполнения по состоянию здоровья” — к вице-президенту Янаеву; о “нависшей над Родиной смертельной опасности”; о главной цели — сохранить СССР; о введении чрезвычайного положения в Москве, запрете митингов и демонстраций; о контроле над СМИ и запрете демократической прессы. Бронетехника на московских улицах, “Лебединое озеро”, эти указы, монотонно зачитываемые дикторами в теленовостях — даже без вступлений, сразу после “здравствуйте, товарищи”, — от всего этого веяло ужасом возврата к тоталитаризму. Никто не знал, что будет дальше, но за неизвестностью мерещились кровопролитие и аресты. Над городом снова поднялась тень всемогущего КГБ.

Раиса дрожала от страха и почти рыдала, провожая мужа у гостиничного лифта в Белый дом, где заседал Верховный совет России. Она не знала, когда снова его увидит, да и увидит ли вообще. Примерно в то же время из подмосковного Архангельского, где располагались дачи президента России и членов российского правительства, туда же, к Белому дому, выезжал кортеж с Ельциным. Там, в Архангельском, уже ранним утром сам собой — вокруг Ельцина, который накануне поздно ночью прилетел из Казахстана, — сформировался первый штаб сопротивления ГКЧП и было от руки написано обращение к гражданам России. Когда Ельцин садился в машину, чтобы ехать в Белый дом, близких, как вспоминала потом дочь Татьяна, пронзила мысль, что они, возможно, видят его в последний раз. И такие сцены проводов, как на фронт, повторялись одна за другой. “... [Маша] (Мария Стругацкая, жена Егора Гайдара. — *М. Ф.*) выходит с детьми проводить меня в Москву, — писал про утро 19 августа Егор Гайдар, — машет рукой, на глазах слезы, явно не уверена, что вновь встретимся”⁸.

“Я ничего не думал, кроме того, что страшно, и мысль: увижу еще жену с детьми или не увижу, — вспоминает Сергей Шахрай, который тоже был в этот момент в Архангельском и тоже поехал оттуда в Белый дом. — Жена на ступенях. Женщины все чувствуют сразу, прощаются навсегда. Ну, а потом началась такая суматоха, которая выручает в стрессовых ситуациях...”⁹ Самая тяжелая и страшная ночь — с 20 на 21 августа — была еще впереди, но уже 19 числа стало понятно, что что-то идет не так и путчисты ведут себя странно. Во-первых, они не арестовали Ельцина. Как потом выяснится, группа захвата из спецназа “Альфа” еще ночью окружила дачу Ельцина в Архангельском, но приказ о задержании так и не был отдан, и Ельцин со своими соратниками

спокойно добрались до Белого дома. (Помимо Ельцина ГКЧП собирался задержать еще 68 известных демократов, но и они остались на свободе. За все дни путча КГБ задержал четырех человек.) Во-вторых, они так и не блокировали и даже не отключили телефоны в Белом доме. В-третьих, командиры вошедших в Москву военных подразделений не понимали толком, что происходит и что они должны делать.

Командующий 106-й дивизией ВДВ генерал-майор Александр Лебедь получил приказ взять под командование батальон и “организовать охрану и оборону здания Верховного совета РСФСР”. С батальоном надо было встретиться уже в центре Москвы. Лебедь в одиночестве — и в полном неведении о происходящих в Москве событиях — приехал к Белому дому и поразился: вокруг здания люди строят баррикады. В ход шли троллейбусы, автомобили, арматура, доски. Лебедь ничего не понимал. Если бы это не был, возможно, самый драматичный момент в истории России за последние десятки лет, то из рассказа Лебеда мог бы получиться хороший эпизод для кинокомедии. “В голове у меня роились самые сумбурные мысли, — вспоминал генерал. — Надо сказать, что, руководя маршами полков, находясь в машине связи, где не предусмотрено никаких телевизионных приемников, я никаких заявлений ГКЧП и иных лидеров не слышал. Народ, который строил баррикады, на взгляд был простой, хороший. Если мне надлежало силами батальона организовать охрану и оборону Верховного совета, значит, обороняться будем вместе с этим народом. Тогда возникал законный вопрос: против кого?”

Через какое-то время Лебедь добрался до своего батальона. Тот был на Калининском проспекте* — совсем рядом с Белым домом. Баррикады росли и крепились. Тот самый “простой и хороший народ” окружил бэтээры, возбужденная толпа кричала и огрызалась на военных, а Лебедь по-прежнему ничего не понимал. Про создание ГКЧП он узнал уже в Белом доме, когда его повели на встречу с Ельциным:

“Ельцин спросил: — С какой задачей вы прибыли? Я доложил: — Силами парашютно-десантного батальона организовать охрану и оборону здания Верховного совета. Президент уточнил: — По чьему приказу? Я ответил коротко: — По приказу командующего ВДВ генерал-лейтенанта Грачева. — От кого охранять и оборонять? Поскольку мне самому этот вопрос был неясен, я объяснил уклончиво: — От кого охраняет пост часовой? От любого лица или группы лиц, посягнувшего или посягнувших на целостность поста и личность часового”¹⁰.

На самом деле к этому моменту Ельцин уже перехватил инициативу, а ГКЧП потерпел, может быть, свое главное — моральное — поражение. Беспрепятственно добравшись до Белого дома, Ельцин еще утром превратил его в штаб сопротивления, а в полдень зачитал с брони стоящего пе-

* Нынешний Новый Арбат.

ред Белым домом танка обращение к гражданам России — то самое, что было написано от руки еще в Архангельском. Эта сцена и эти слова стали его звездным часом и навсегда вошли в историю: “В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный президент страны, — говорил Ельцин. — Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым реакционным антиконституционным переворотом”. Речь Ельцина сначала слышали сотни собравшихся вокруг людей. Затем ее стали печатать, размножать на ксероксах и развешивать по Москве. Возведение баррикад продолжилось с удвоенной силой. Впервые советская власть натолкнулась на сопротивление народа в самом центре столицы, и впервые у народа был лидер. “Пожалуй, никогда знаменитая воля Ельцина не помогала ему так, как в эти часы, — писали про этот момент будущие помощники российского президента в своей книге «Эпоха Ельцина». — Его активность и решительность оказали деморализующее воздействие не только на ГКЧП, но и на рядовых исполнителей”¹¹.

Однако про выступление Ельцина сначала что-то слышали лишь в центре Москвы — остальной России по-прежнему по телевизору показывали “Лебединое озеро” и зачитывали пресс-релизы ГКЧП. Поэтому второй важнейшей символической победой над заговорщиками стал простой вопрос, который уже ближе к вечеру задала членам ГКЧП на пресс-конференции — на этот раз на всю страну, потому что пресс-конференцию транслировало телевидение, — 24-летняя журналистка “Независимой газеты” Татьяна Малкина: “Понимаете ли вы, что сегодня ночью вы совершили государственный переворот, и какое из сравнений вам кажется более корректным — с 1917-м или с 1964 годом (в 1964 году в результате заговора в Политбюро был отстранен от власти глава государства Никита Хрущев. — *М. Ф.*)?”

Как и на большинство остальных, на этот вопрос пришлось отвечать хедлайнеру пресс-конференции Геннадию Янаеву. Причем сам Янаев о путче и о своей роли в нем узнал только накануне вечером, когда Крючков позвонил ему и вызвал в Кремль. Вице-президент СССР, формально второе лицо в государственной иерархии, не рискнул послушаться председателя КГБ. Указ о возложении на него президентских полномочий “в связи с болезнью Горбачева” готовился без него, да и подписывать его он не хотел: еще бы, несколькими часами ранее он лично звонил Горбачеву, чтобы на следующий день встретить его в аэропорту, и прекрасно знал, что президент совершенно здоров. Но заговорщики надавили на Янаева — он с ними в одной лодке, — и Янаев сдался. Теперь, на следующий день, он невнятно, почти бормоча, отвечал журналистке Малкиной, но его слова не имели значения. Важен был сам вопрос, немислимый в том мире, к которому принадлежали ГКЧП и КГБ, и мгновенно снявший с власти, как в сказке про голого короля, весь ее победный лоск. А слегка дрожащие руки Янаева, которые тоже увидела вся страна, органично дополнили эту картину.

Немцов провел в здании Верховного совета все три дня. Раиса каждый день ездила к Белому дому, а иногда ему удавалось позвонить оттуда в гостиницу. В самом Белом доме быстро наладилась своя жизнь. Каждый был чем-то занят. Депутаты звонили в свои регионы, пытались узнать, что происходит, передать новости из Москвы и поднять людей против ГКЧП. Этим занимался и Немцов. В стране была введена цензура, демократическая пресса была закрыта, и в Белом доме даже появилась своя радиостанция, которая вещала внутри здания и для людей на площади, а у микрофона сидели самые известные журналисты того времени — Бэлла Куркова и Александр Любимов. «Нам очень нужны были новости из регионов, — вспоминает Любимов. — Мы имитировали, что нас поддерживает вся страна. И Немцов приходил и рассказывал, что происходит в Нижнем Новгороде»¹².

Страна действительно замерла в ожидании, кто выйдет победителем из противостояния в Москве. В крупных городах люди вышли на улицы, но кроме Москвы события развивались бурно только в Петербурге, где новый мэр и один из ведущих демократических политиков страны Анатолий Собчак призвал сопротивляться ГКЧП. А основной сценой борьбы с путчем стал небольшой пятачок в Москве — площадь у Белого дома и несколько кварталов вокруг.

Ночь с 19 на 20 августа прошла спокойно. «Демократическая Россия» решила звать всех на митинг к Белому дому. Ельцин сначала был против: опасался задержаний, кровопролития, но потом дал добро. Одновременно мэр Москвы Гавриил Попов хотел провести демократический митинг у здания Моссовета. «Мы стали звать людей и к Белому дому, и к Моссовету, — вспоминает правозащитник Лев Пономарев*, тогда один из лидеров «Демократической России». — И решили, что я пойду к Моссовету и приведу оттуда людей к Белому дому. Так и сделали. Мало того что ГКЧП бездействовал — нас сопровождала милиция с мигалками!»¹³ Это был, возможно, самый важный митинг в российской истории. Если 19 августа у Белого дома собрались максимум несколько тысяч человек, то на следующий день это были уже 150–200 тысяч! «Больше всего меня тогда потрясла толпа, — вспоминает Сергей Шахрай, — потрясло, как люди собрались и закрыли собой Белый дом. Это все расставило по местам: значит, мы делаем верное дело. Это был не просто митинг для митинга. Это был митинг, внутри которого стояло здание Верховного совета. Он окружил живым щитом символ демократии — Белый дом. При том, что все понимали: Белый дом защитить нельзя; никакое живое кольцо не поможет при силовой операции»¹⁴.

* Лев Пономарев признан в РФ иностранным агентом.

Это был даже не митинг, а безоружное народное ополчение: люди подходили и подходили, вставали в ряды. Кто-то привозил им бутерброды, кто-то чай, кто-то бумагу для ксерокса, чтобы печатать воззвания и листовки. Пришедшие к Белому дому люди были готовы ко всему. Некоторые депутаты, в свою очередь, вышли на улицу и пошли разговаривать с военными. Немцов с Аксютцем пошли на Манежную площадь. Там, за кордоном, стояла дивизия спецназа, танки и бэтээры. “Показав удостоверения, мы прошли через кордоны, ходили от танка к танку и вели задушевные разговоры с этим пацанами, — вспоминает Аксютц, — мы им говорили: ведь вы будете стрелять в своих братьев, сестер, отцов”¹⁵.

А в это время в кабинете заместителя министра обороны СССР Владислава Ачалова шло совещание: когда и как штурмовать Белый дом. Крючков хотел назначить штурм на 4 часа утра. На это совещание вызвали и генерала Лебеда. Лебедь доложил, что у Белого дома стоят 100 тысяч человек и любая силовая операция закончится массовым кровопролитием. При этом по требованию Ачалова он даже нарисовал карандашом что-то похожее на план атаки. С точки зрения военной науки план был откровенной халтурой, но главное, он сам собой как будто растворился в воздухе: военные смотрели на этот план, кивали — и ничего не происходило. Никто не хотел брать на себя ответственность. “ГКЧП стал заложником разобщенности, нерешительности и принципа коллективной ответственности”, — пишет Игнац Лозо¹⁶.

В самом начале путча Крючков по малодушию совершил ошибку: он рассчитывал договориться с Ельциным и не отдал приказа о его аресте. А на второй день было уже поздно: ГКЧП потерял инициативу. Весь мир ловил каждое слово Ельцина. Даже введенная заговорщиками цензура давала сбои: например, в программе “Время”, главных вечерних новостей Первого канала, вышел длинный сюжет про оборону Белого дома. Огромный митинг перед Белым домом парализовал волю военных. Крючков перекладывал решения на них, но они бездействовали. “Все перекидывалось на военных, передавалось в их руки, причем устно, без четких указаний и направления официальных документов, — вспоминал потом Ачалов. — Получилось так, что каждый был сам за себя”¹⁷.

Вечером 20 августа на последнем совещании ГКЧП Крючков и министр внутренних дел Борис Пуго снова предложили разогнать людей, собравшихся перед Белым домом, и перевести Ельцина под домашний арест, но эта идея тоже повисла в воздухе. Никаких решений заговорщики опять не приняли. В итоге дело ограничилось введением в Москве комендантского часа. Министр обороны Язов с самого начала был против применения силы. Он распорядился ввести ночное патрулирование города, причем военные получили приказ не стрелять и не реагировать на провокации. Проблема была в том, что в демократическом лагере про этот приказ никто ни-

чего не знал. Наоборот, слухи, что будет штурм, весь вечер просачивались в Белый дом, и все готовились к штурму.

Обстановка в Белом доме и вокруг него становилась все более тревожной. На улице жгли костры и по-прежнему строили баррикады. Внутри Ельцин обзванивал лидеров государств. “Эти три дня он вел себя как настоящий русский мужик. Крепкий и отважный, — вспоминал потом Немцов. — Наверное, так вели себя командиры, когда отбивали атаки во время войны”. (Интересно, что Немцов уже в эти дни обратил внимание на одну из главных ельцинских черт — перепады настроения: “Он отдавал какие-то команды, порой непродуманные, что кому делать, потом впадал в какую-то меланхолию, потом опять приходил в себя и начинал руководить обороной”¹⁸.) Председатель Верховного совета Руслан Хасбулатов предупредил депутатов о возможном штурме и даже предложил раздать оружие. “У нас хорошо организованная оборона, — докладывал депутатам глава обороны Белого дома генерал Кобец, — 16 баррикад, из них 12 — на внешнем отводе, на расстоянии 1400–1200 метров от Белого дома. 300 вооруженных профессионалов, кроме того, афганцы и 1500 ополченцев, в основном студенты...”¹⁹ Потом, после путча, журналист “Огонька” так описывал эту ночь: “Среди депутатов возникла тема валидола; кто-то вспомнил, что с утра ничего не ел, а сейчас — глубокая ночь; его утешили, объяснив, что пулю в живот лучше получить голодным. Рассматривались варианты: нас арестовывают, помещают в казармы, где мы продолжаем нашу работу... Нам дают пинка под зад, и мы вылетаем на улицу... «Ровно двадцать три года назад, — сказал депутат Шейнис, — танки вошли в Прагу». Борис Немцов выкликнул желающих ехать в войска...”²⁰ Но штурма не было. Причиной трагической гибели трех человек той ночью в туннеле под Калининским проспектом на Садовом кольце стали охватившая город паника и ожидание штурма. Взвод БМП въехал в туннель и уперся в баррикаду из троллейбусов и арматуры. Он даже не двигался в направлении Белого дома, но разгоряченная толпа этого не понимала. Как москвичи могли отличить в тот момент патрулирование от штурма? Толпа стала забрасывать бронетехнику камнями и бутылками с зажигательной смесью. Некоторые полезли на борт передовой машины и закрыли смотровое окно брезентом. Среди них был и 23-летний Дмитрий Комарь — он упал с борта, и его задавило гусеницами, когда машина стала резко двигаться взад-вперед, пытаясь освободиться от нападавших. Одновременно перепуганные механики стали стрелять в воздух, пытаясь отогнать толпу, но одна из этих предупредительных пуль рикошетом попала в 43-летнего Владимира Усова, и он погиб. 28-летнему Илье Кричевскому пуля попала в голову, но, как это произошло, так и осталось неизвестным. Через три дня похоронная процессия растянется на весь центр города, Горбачев присвоит Комарю, Усову и Кричевскому звания Героев Советского Союза — так они посмертно станут

последними героями СССР, — а год спустя уже Ельцин наградит их медалями “Защитнику свободной России”.

Комарь, Усов и Кричевский погибли между полуночью и часом ночи. Потрясенный этим известием Язов тут же отдал приказ прекратить патрулирование, а с рассветом — вывести войска из города, и таким образом подписал ГКЧП приговор. Ночью Крючков еще размышлял о штурме, но поезд уже ушел. Он еще надеялся на лучшее, когда утром подчиненные Язова согласовывали с мэрией Москвы детали вывода войск. “Умели напакостить — надо уметь и отвечать”, — сказал Язов заговорщикам, когда те приехали к нему, чтобы уговорить маршала “идти до конца”²¹.

Двадцать второго августа Россия праздновала победу: заговорщики арестованы, Горбачев вернулся в Москву еще ночью, а в полдень над Белым домом взвился бело-сине-красный триколор — возрожденный российский флаг. Под стенами Белого дома собрались торжествующие москвичи. В желтых штанах и серой куртке, Немцов стоял на балконе Белого дома недалеко от Ельцина, смотрел на это море людей и ликовал вместе со всеми — эта была общая, огромная, волшебная победа. Это были величественные и духоподъемные дни и недели, когда казалось, что все возможно. Силы зла, давным-давно накрывшие Россию мглой, вышли на свой последний бой и проиграли. Они просто испарились, растворились в воздухе. Обветшавшая, проржавевшая коммунистическая диктатура вдруг рассыпалась в пыль, мгла рассеялась, и в свете дня проступила дорога к демократии и свободе. Дорога в будущее.

Глава 4

Новая страна. 1991

Пономарев и Якунин едут к Ельцину

К концу сентября Лев Пономарев и его соратники по “Демократической России” уже сильно негодовали. Диктатура рухнула, но дел невпроворот, и надо ковать победу, пока горячо: судить ГКЧП, запрещать КПСС, формировать власть, готовиться к новым выборам, наконец, а Ельцина нет — он уехал в свою резиденцию в Сочи и пропал там. “Демократическая Россия” была самой мощной политической силой того времени. Она организовывала самые крупные в истории страны митинги в 1990 году. Без ее поддержки Ельцин не одержал бы свою главную победу и не стал бы председателем Верховного совета РСФСР. И вот теперь Лев Пономарев и его соратник священник Глеб Якунин собирались лететь к Ельцину в Сочи — с ультиматумом: если он в течение недели не вернется в Москву, то “Демократическая Россия” перейдет к нему в оппозицию.

У Пономарева и Якунина была еще одна миссия: от имени “Демократической России” рекомендовать Ельцину кандидатуру будущего премьера. Еще недавно мнение Пономарева, доктора физических наук, и Якунина, в прошлом диссидента и борца за права верующих, отсидевшего пять лет в лагерях при советской власти, не весило ничего. Теперь от них в большой степени зависело, кто войдет в будущее правительство, и кандидаты в премьер-министры искали у них поддержки. Пономарев помнит, как ему позвонил вице-президент Александр Руцкой и позвал к себе в кабинет. “Ты не думай, — сказал Руцкой, перемежая матом, как положено военным, едва ли не каждое свое слово и рисуя мелом на доске стрелки и линии, — в военной академии меня не только самолетами учили управлять. Было бы хорошо, если бы «ДемРоссия» рекомендовала меня на пост председателя правительства”¹.

Пришел к Пономареву и Егор Гайдар вместе со своим ближайшим сподвижником Анатолием Чубайсом. 35-летний внук самого знаменитого пионерского писателя 30-х годов, прославившегося на весь Советский Союз “Тимуром и его командой”, экономист Гайдар в течение нескольких последних лет изучал переходные экономики и реформы в странах соцлагеря. У него уже был опыт подготовки аналитических записок и для Политбюро ЦК КПСС (когда с приходом Горбачева в 1985 году начались новые веяния), и для советского правительства в конце 80-х, когда он работал в журнале “Коммунист”. Еще на любительских, по сути, семинарах молодых экономистов в одном из пансионатов под Ленинградом в 1986 году вокруг Гайдара сложилась команда экономистов-рыночников. Убежденный либе-

рал, “правый без дураков”, как про него говорили его соратники, в 1990 году Гайдар возглавил им же созданный экономический институт, и хотя звезда Явлинского в тот момент блистала ярче, Гайдар уже конкурировал с ним за неформальное звание главного в стране экономиста новой формации. По воспоминаниям Петра Авена, ветерана гайдаровского экономического кружка, а потом министра в его правительстве, весной 1991 года они всерьез смотрели на себя как на будущий кабинет министров — кто-то же должен спасти агонизирующую экономику распадающейся державы. “По всей Восточной Европе в правительство приходили молодые экономисты, а мы самонадеянно считали, что другой команды в России, в принципе, нет”, — вспоминал Авен². За несколько дней до путча Гайдар получил предложение стать советником президента по экономике. С Геннадием Бурбулисом, правой рукой Ельцина, Гайдар познакомился 19 августа прямо в Белом доме. А с середины сентября Гайдар и его единомышленники уже писали по заданию Бурбулиса программу экономических реформ, поселившись на одной из правительственных дач в том самом Архангельском под Москвой. “Что хорошо было: в гайдаровских бумагах идея тут же сопровождалась шагами, инструментами. Закон — указ, указ — закон, постановление. И понятно было, что предлагается и как это сделать”, — вспоминал потом Бурбулис³.

Поэтому, когда Гайдар с Чубайсом, узнав, что Пономарев проводит консультации с потенциальными кандидатами, пришли к нему за поддержкой, им уже было что показать, и они убеждали его, что готовы взять ответственность за правительство. Особое впечатление на Пономарева произвело то обстоятельство, что Гайдар был не сам по себе, а с командой. “Мы обсудили этот вопрос на совете «Демократической России», — вспоминает Пономарев, — и решили, что будем рекомендовать Ельцину команду Гайдара: они профессионалы, знающие современную европейскую экономику”⁴.

У ворот президентской резиденции в Бочаровом Ручье в Сочи Пономарев и Якунина встретил начальник охраны Ельцина Александр Коржаков. Ельцин в компании Бурбулиса принял их утром следующего дня. “Формально вы можете стоять во главе правительства, или Геннадий, который сидит рядом, но реально пусть от вашего имени руководит Гайдар”, — говорил Ельцину Пономарев, и Ельцин внимательно его слушал⁵. Так же внимательно он выслушал и поставленный ему “Демократической Россией” ультиматум. Через неделю он вернулся в Москву.

Молодость или опыт?

Конечно, дело было не только в позиции, которую занял демократический актив: Ельцин и сам понимал, что в экономике надо действовать резко и решительно, — но вклад Пономарева и Якунина в назначение Гайдара был очень весом. С Гайдаром Ельцин встретился в конце октября. Фиаско про-

граммы “500 дней”, похороненной пожилыми советскими партократами, еще не было забыто. Но Советского Союза больше не было: хотя его распад еще предстоит оформить в декабре Беловежскими соглашениями, фактически Союз прекратил свое существование на следующий день после провала путча. Центральная власть исчезла, теперь Россия могла и должна была идти вперед сама, ответственность за это ложилась на Ельцина, и он понимал, что компромиссы с социалистическим порядком больше невозможны — надо прыгать в капитализм. Он поверил в свободный рынок. Академики и управленцы из Госплана не смогли бы осуществить такой прыжок. “Надо было чем-то жертвовать — или молодостью, или опытом” — так Ельцин будет объяснять депутатам свой выбор в пользу Гайдара⁶. Он жертвовал опытом. Он ставил на свежие головы — не испорченные аппаратным мышлением прежних лет. Это был продуманный — в случае с Ельциным скорее прочувствованный, — но в любом случае осознанный выбор. Он вряд ли будет лукавить, когда, анонсируя программу реформ, скажет с трибуны депутатам съезда, что это самое важное решение в его жизни. “Научная концепция Гайдара совпадала с моей внутренней решимостью пройти болезненный участок пути быстро, — напишет Ельцин в мемуарах. — Я не мог снова заставлять людей ждать, оттягивать главные события, главные процессы на годы. Раз решились — надо идти!”⁷

Историческая речь Ельцина с трибуны 5-го съезда народных депутатов, положившая начало экономической реформе, прозвучала 28 октября. В ней он говорил об “уникальной возможности за несколько месяцев стабилизировать экономическое положение и начать процесс оздоровления”, о том, что цены будут освобождены уже в текущем году — то есть буквально завтра, — о бездефицитном бюджете, приватизации и других реформах и о том, что сначала будет трудно, но к следующей осени, через год, положение выправится и станет легче. (Через много лет Гайдар пояснит: конечно, он не убеждал Ельцина во время их октябрьской встречи, что через год начнется экономический рост, это было невозможно, судя по опыту все той же Польши; он говорил лишь, что за год будет решена проблема товарного дефицита⁸.) Шоковая терапия — так пресса сразу назовет гайдаровские реформы. Реформаторы всегда возражали против этого термина: шоковой терапией Гайдара можно было считать лишь в том смысле, в каком шоком для умирающего человеческого организма становится единственная в этот момент спасительная манипуляция — электрический разряд из дефибриллятора.

Это был еще один величественный момент в российской истории — величественный, как любое масштабное преобразование. Именно в эти дни Россия, можно сказать, поменяла статус — одна из республик Советского Союза превращалась в самостоятельную отдельную страну на карте, причем такую, которая видит себя демократическим рыночным государством и частью цивилизованного мирового сообщества. (В конце декабря после официальной

смерти СССР официально сменится и название России: вместо РСФСР появится Российская Федерация.) И именно это Ельцин ставил своей целью. “... Он хотел создать российское государство — самостоятельное, управляемое, способное к модернизации и нормализации, — пишет автор одной из биографий Ельцина Тимоти Колтон. — Иными словами, вместо того чтобы спасти старую империю, он предпочел построить новую страну”⁹.

На том же съезде Ельцин объявил, что сам возглавит новое правительство, и тем самым взял на себя ответственность за реформы — и съезд с готовностью утвердил его в этом качестве. Гайдар стал вице-премьером. Ему и его соратникам был передан в ведение весь экономический блок. Виктор Хлыстун вспоминает, как 14 ноября, когда основные назначения в кабинете министров уже были сделаны, ему позвонил Бурбулис:

- Завтра в 9.30 утра тебя ждет президент.
- На какой предмет? К чему мне готовиться?
- На предмет назначения тебя министром сельского хозяйства.
- Геннадий, — принялся возражать Хлыстун, — я же не агроном, я занимаюсь земельными отношениями. Я не готов быть министром.
- Вот и скажешь это все президенту, — ответил Бурбулис.

Хлыстун не спал всю ночь — подбирал аргументы, как объяснить президенту свой отказ. И с этими аргументами в голове в 9.40 утра 15 ноября он вошел в кабинет Ельцина в Кремле. “Виктор Николаевич, нужно поработать в новом качестве”, — доброжелательно сказал Ельцин, выходя из-за стола и протягивая для рукопожатия руку. Хлыстун начал было отвечать, что он не готов занять эту должность, но не успел даже договорить фразу. Президент его прервал: “А я что — готов был быть президентом? Будем работать и учиться. Вопрос не обсуждается. Держите, читайте. — Ельцин протянул Хлыстуну уже подписанный указ и посмотрел на часы. — Через 15 минут начинается заседание нового состава правительства. Не опаздывайте”.

Ельцин развернулся и вышел из кабинета через заднюю дверь. Успеть дойти за 15 минут до зала совещаний на Старой площади, где президент собирал правительство на первое — историческое — заседание, Хлыстун не мог в любом случае. Когда он вошел в зал, Ельцин уже выступал. “Почему опаздываете? — грозно спросил президент и после своей фирменной паузы добавил: — Тут некоторые считают, что они не готовы работать в правительстве. Имейте в виду: это я буду решать, кто готов, а кто не готов”¹⁰. Отчитав Хлыстуна, Ельцин продолжал, обращаясь к новому правительству: “На нас с вами лежит большая ответственность. Каждый из нас понимает, что мы идем в рисковую зону, и идем с риском для своей политической карьеры и авторитета. Но я лично на это пошел открыто, прямо и не сомневаясь, потому что у России огромные возможности и я верю в Россию. И эту веру мы должны как-то передать людям. И на этой вере мы выиграем несколько месяцев, может быть, самые важные месяцы, которые нам понадобятся...”¹¹

Демократия или сильная власть?

Начатая Горбачевым революция завершалась в реактивном режиме. Страна потеряла экономическую катастрофу. Что реформы будут очень болезненными, сомнений ни у кого не было. Гайдар прямо говорил Ельцину, что тому вскоре придется его уволить. С той поры историки и участники событий размышляют: могла ли Россия легче преодолеть грандиозный исторический поворот, а российская демократия — стать более устойчивой?

Одна из известных претензий к Ельцину — та самая, которую от лица “Демократической России” предъявил ему в Сочи Лев Пономарев, — заключается в том, что после провала путча он почти на месяц уехал в Сочи, вместо того чтобы быстро, на волне победы, когда позиции демократов казались незыблемыми, принять новую конституцию, распустить съезд и провести новые выборы. Виктор Шейнис потом предложит аналогию с Наполеоном, который после победы под Аустерлицем отправился бы отдыхать на Лазурный Берег¹². И чем дальше, тем обоснованнее будет казаться эта критика: сделай он это — и Россия избежала бы страшных, роковых событий октября 1993 года, когда в стране начнется гражданская война, когда уже сам Ельцин отдаст приказ стрелять из танков по зданию Верховного совета на Краснопресненской набережной и когда этот приказ — в отличие от августа 1991-го — будет исполнен. С годами станет понятно, что это действительно свойство Ельцина — медлить и затаиваться в драматические минуты и резко рубить узлы противоречий лишь тогда, когда уже нет другого выхода. И не раз эта черта его характера сыграет значительную роль в российской истории.

Что Ельцин делал в Сочи? Как писали в газетах, играл в теннис. Возможно, пил. События августа стали для него чудовищным стрессом, а теперь ему на голову вместе с властью — на этот раз настоящей — свалились тяжелейшие проблемы. Что делать с Союзом? Что делать с Россией? Как проводить реформы? Ельцин признает потом, что, отложив до лучших времен вопросы политического переустройства России, он упустил очень важный шанс. “Наверное, я ошибся, — напишет он, — выбрав главным направлением наступление на экономическом фронте, оставив для вечных компромиссов, для политических игр поле государственного устройства”¹³.

К съезду, на котором Ельцин объявил о реформах, проект новой конституции был практически готов. Но ни Ельцин, ни только вошедший во вкус своей новой должности председатель Верховного совета — и в тот момент еще союзник президента — Руслан Хасбулатов обсуждать его тогда не хотели. И новую конституцию положили под сукно. Но это было еще не все. Объявив экономическую реформу главным приоритетом, подчиняющим себе всю остальную жизнедеятельность государства, Ельцин потребовал ввести мораторий сроком на один год на проведение любых выборов

в стране. “Проводить мощные избирательные кампании и одновременно глубокие экономические преобразования невозможно! — говорил Ельцин с трибуны. — Пойти на это — значит погубить все!”¹⁴ При этом сам президент получал чрезвычайные полномочия — тоже временно: он мог назначать и снимать членов правительства и будущих губернаторов, а в сфере экономики его указы приравнивались к законам (если их не опротестовывал Верховный совет).

Ельцина и его команду можно было понять: кто решился бы отпустить цены — а медлить с этим было уже невозможно — и одновременно проводить десятки выборных кампаний на местах? Да и разумно ли так поступать? Закономерным образом в прессе началась дискуссия: к чему приведет усиление власти Ельцина? Не опасно ли это? “Совместимы или несовместимы демократия и сильная власть, но не где-нибудь, не вообще, а конкретно сейчас, здесь, в России, в сегодняшней экономической, политической, психологической обстановке? — писал в ноябре 1991 года в газете «Московские новости», которая была тогда главным рупором либеральной интеллигенции, публицист Александр Гельман. — Я отвечаю на этот вопрос так. Слабая власть нашу демократию, точнее, нашу возможную демократию погубит безусловно, наверняка, вне всякого сомнения. Сильная власть хотя и может вывернуться наизнанку и тоже привести к диктатуре, тем не менее она не лишает надежды, что, пройдя через период умеренного авторитаризма, выведет общество на твердую демократическую почву”¹⁵.

Конечно, рассуждая об этом переходном периоде “умеренного авторитаризма”, Гельман имел в виду не десятки лет, а те год-два, на которые Ельцин просил себе у съезда особые полномочия. В те времена шарнир истории крутился так быстро, что загадывать надолго вперед никому бы просто в голову не пришло. Подлинная демократия должна была наступить на следующей остановке. Казалось естественным, что она образуется сама, если хотеть этого и если у руля будет стоять лидер, облеченный народным доверием. “Кто-то скажет: да ведь такие же слова говорили и гэкачеписты, они тоже твердили о сильной власти во имя демократии, — продолжал свою мысль Александр Гельман. — В чем тогда разница? Разница в том, что их люди слушали, но не верили ни одному слову, а Ельцину люди доверяют”¹⁶.

Это была правда: как показывали опросы, люди Ельцину по-прежнему доверяли, и осенью 1991 года его рейтинг — уже как победителя ГКЧП — превышал 50%¹⁷. С ним все так же связывали чаяния и надежды. Во время путча появились и новые герои — такие как демократический мэр Ленинграда Анатолий Собчак и вице-президент Александр Руцкой, — но признанный лидер у России по-прежнему был один: Ельцин. “Народ не собирался сам работать. Должен кто-то прийти и устроить ему другую жизнь вместо той, которая его перестала устраивать” — так описывал отношение общества к Ельцину летом-осенью 1991 года один из лидеров демократиче-

ского движения того времени Гавриил Попов¹⁸. В глазах людей Ельцин с самого начала был не лидером широкого демократического движения, а бунтарем, который бросил вызов КПСС, и к осени 1991 года в этом смысле изменилось только то, что бунтарь одержал победу.

На протяжении всех бурных лет конца 80-х — начала 90-х российское общество не артикулировало четко свои политические пристрастия. Движения в поддержку демократии были сильны в Москве и в больших городах, но и там были внутренне противоречивы и плохо структурированы. Что такое свобода? Что такое демократия? Что такое рынок? Большинство отвечало на эти вопросы просто: все наладится, после того как исчезнет КПСС. Это она мешает хорошо и свободно жить. Еще до путча, летом 1991 года, как отмечали социологи из ВЦИОМа, надежды на возрождение России в глазах 69 % россиян были связаны с тем, что “за 74 года нахождения у власти компартия окончательно себя дискредитировала”¹⁹. Как говорил через двадцать с лишним лет Немцов на одном из протестных митингов, “мы тогда были романтиками, мы думали, что стоит только победить ГКЧП и наступит счастье, успех, достаток, благоденствие, Россия станет самой свободной, самой счастливой страной...”²⁰ И вот ГКЧП и КПСС исчезли. Ведущая политическая сила страны, “Демократическая Россия”, благодаря которой Ельцин пришел к власти, стала распадаться на фракции и клубы по интересам сразу же после путча. Чем дальше, тем меньше Ельцин был готов с ней считаться. От единодушия, с которым депутаты съезда голосовали за суверенитет России, не осталось и следа, когда зашла речь о реформах. Понятно, почему так произошло. Если суверенитет был выражением очевидного интереса — новая российская элита хотела подвинуть прежнюю, советскую, — то реформы не пользовались устойчивой поддержкой в обществе. Архитекторам реформ и избиратели, и их избранные представители заранее отказывали в доверии. Об этом свидетельствовали цифры соцопросов: в декабре 1991-го только 28 % российских граждан верили, что правительство сможет провести реформы, а 46 % — не верили. (В соседней Украине, к примеру, соотношение было прямо противоположным: 41 % энтузиастов против 25 % скептиков.)

Мальчики в розовых штанах

Меж тем к концу 1991 года ситуация в экономике была абсолютно катастрофической. Советский Союз обанкротился. Золотого запаса не было. Хлеба не было. По состоянию на 15 ноября запаса муки в закромах оставалось на двое суток — при нормативе 15 дней. Отсутствие кормов привело к морю на птицефабриках и сокращению поголовья скота. “Мясопродуктами торгуют только по талонам, на декабрь не хватает ресурсов. Молоком торгуют в течение 1 часа. Масло животное реализуется по талонам — 200 г на че-

ловека в месяц. Не хватает ресурсов. Растительное масло в продаже отсутствует...” — так, согласно правительственной справке, в середине ноября обстояли дела в той же Нижегородской области, куда вот-вот будет назначен губернатором Немцов²¹. Голода не было, но была угроза голода: министр сельского хозяйства Хлыстун еженедельно докладывал о положении с продовольствием в стране на специальной комиссии во главе с президентом. Еще в сентябре, будучи представителем президента в своей области, Немцов вызвал к себе руководителей автопарков и потребовал обеспечить автобусы: на полях осталась неубранная часть урожая, и народ с сумками и мешками поехал на выходных собирать картошку, капусту, морковь и свеклу. Став губернатором, Немцов едва ли не первым делом попросил дислоцированных в его области военных развернуть в городе военно-полевые кухни, чтобы кормить голодных. Второй его проблемой в конце декабря стали водочные и сигаретные бунты: люди перекрывали улицы, не имея возможности отovarить талоны на водку и купить сигареты. Вот как Немцов потом описывал положение дел в декабре 1991 года у себя в области. И в целом по стране оно было примерно таким же: “Картина была катастрофическая: моя жена в 4 часа утра занимала очередь за молоком, чтобы дочке, Жанне, принести его на завтрак. И 17 видов талонов, и мужики, требующие завезти сигареты и переворачивающие автобусы. Я работал диспетчером, а не губернатором: туда сигареты, сюда молоко, сюда хлеб — это то, что было. И кроме того, была холодная зима, область замерзала”²².

У нового правительства отсутствовало даже минимальное пространство для маневра. Егор Гайдар признавался: “Открывшаяся в деталях картина подтверждала печальную истину: ресурсов, позволяющих сгладить социальные издержки запуска нового механизма хозяйствования, не было. Откладывать либерализацию экономики до тех пор, пока удастся продвинуть медленные структурные реформы, невозможно. Еще два-три месяца пассивности, и мы получим экономическую и политическую катастрофу, распад страны и гражданскую войну. Это мое твердое убеждение”²³.

Однако никакой другой опоры, кроме президента, у реформаторов не было. Новая российская элита не чувствовала запроса на экономическую либерализацию. Съезд потому с готовностью и предоставил Ельцину чрезвычайные полномочия в проведении реформ, что хотел снять с себя ответственность за них. А в конце ноября Верховный совет во главе с Русланом Хасбулатовым уже заворачивал президентские инициативы. “Очевидно, что положение, складывающееся в России через три месяца после провала путча, не предвещает радужных перспектив демократическим силам, — писала тогда газета «Московские новости». — За это время им так и не удалось создать стабильную социально-политическую опору своей власти, а тот кредит доверия, которым располагал Белый дом (то есть президент и правительство. — *М. Ф.*) еще недавно, сегодня, накануне про-

ведения реформ, катастрофически тае. Общество же, уставшее от перманентной неопределенности и неустойчивости, инстинктивно тянется к твердой руке”²⁴.

Предвестником надвигающегося тяжелого кризиса в отношениях между ветвями власти — кризиса, который через два года закончится вооруженным противостоянием на улицах Москвы, — стал демарш вице-президента Александра Руцкого. Генерал Руцкой не получил не только премьерский пост, как хотел, но и вообще сколько-нибудь значимых полномочий (вице-президентский статус никакой реальной власти не давал). 30 ноября он вдруг выступил против предстоящей либерализации цен и набросился на команду Гайдара, которая еще даже не приступила к работе. “Это мальчишки в розовых штанах, красных рубашках и желтых ботинках”, — негодовал генерал Руцкой, пообещав подать в отставку, если к нему не прислушается Борис Ельцин²⁵. Россия только делала первые шаги вперед, а согласие по принципиальным вопросам прокладывания маршрута уже испарилось в холодном осеннем воздухе.

Немцов въезжает в здание обкома

В одном из интервью 1992 года Немцов рассказывает, как он стал губернатором: “Если вспомнить все, что вело меня сюда, в этот кабинет, без преувеличения могу сказать: цепь случайностей, из которых, как известно, закономерный ход возникает... Все произошло довольно непредсказуемо. Ну кто мог предсказать, что будет путч? Что 18 августа я уеду в отпуск через Москву, приеду 19-го, и там надо будет три ночи оборонять Белый дом? Никто не мог. Так получилось”²⁶.

Действительно, появление Немцова в Белом доме во время путча сыграло решающую роль в его дальнейшей судьбе. В эти драматические дни Немцов регулярно общался с Ельциным. Президент и его штаб сидели в противоположном от депутатов крыле, и депутаты туда вхожи не были, но Немцова к Ельцину пускали. Он даже помогал проверять кабинет Ельцина на наличие жучков, а Ельцин уполномочил его от имени Верховного совета на переговоры с военными. “Я ходил с бумагой, — вспоминал Немцов: «Депутат Борис Немцов назначен мною представлять законно избранный Верховный совет в воинских частях Минобороны, МВД и КГБ. Подпись: Ельцин»”²⁷. А потом они стояли рядом на балконе во время победного митинга. Немцов для Ельцина теперь был больше чем просто молодой сторонник, — они вместе, плечом к плечу, защищали Белый дом и свободу. Поэтому сразу после путча Немцов был назначен представителем президента России в Нижегородской области. Идея ввести институт представителей президента в регионах — президентских комиссаров, которые бы отстаивали интересы новой российской власти при советских структурах,

облисполкомах и обкомах КПСС, — родилась еще до путча, во время избрания Ельцина президентом России в июне 1991 года.

Путч резко ускорил осуществление этих планов. Пока Москва и Петербург противостояли заговорщикам, остальная Россия замерла, выжидая, кто победит. Две трети руководителей российских республик и областей не поддержали Ельцина, а некоторые открыто присягнули на верность ГКЧП. В российских регионах нужно было срочно формировать новую власть, и сначала Ельцин и его аппарат планировали на осень проведение губернаторских выборов. Но еще быстрее — буквально на следующий день после путча — Ельцину надо было направить в регионы своих представителей. Управляемость в стране в этот момент была для него проблемой номер один. Нараставший сепаратизм в национальных республиках в составе России беспокоил его всерьез: в свое время Горбачев в пылу борьбы с Ельциным сулил им широкую автономию, и многие даже успели проголосовать за суверенитет. Осенью 1991 года угроза распада России вовсе не была пустым звуком. Через две недели после путча она материализуется в Чечне: сторонники генерала Джохара Дудаева захватят власть в республике, а еще через полтора месяца объявят о независимости.

Демократический активист и народный депутат СССР Александр Минжуренко возглавлял штаб сопротивления ГКЧП в сибирском городе Омске: связывался с Белым домом, печатал и распространял полученные по факсу указы и листовки... 22 августа он уже был в Москве и тут же узнал, что его разыскивает Ельцин: ему предлагают стать представителем президента в Омской области. Минжуренко сначала колебался — что это значит: представитель президента РСФСР, с ходу непонятно, — но потом согласился. Тогда его вызвали к Ельцину. “Вы что, не видите, что Союз сыплется, — нервно, даже раздраженно объяснял Минжуренко Ельцин. — И Россия сыплется, если мы будем сидеть сложа руки. Сейчас на местах одни коммунисты. Мы будем внедрять выборность, а выбирать будут самых разных людей, и управление со стороны президента будет потеряно. Поэтому мне нужны свои преданные люди на местах”²⁸.

Положение о представителях президента писалось там же, в соседней комнате, буквально на коленке. 27 августа Минжуренко, Немцов и еще несколько человек были снова приглашены к Ельцину и получили назначения представителями президента в регионах. Президентским комиссарам вменялась задача собирать жалобы граждан и следить за исполнением указов президента России. “Если они наломают дров, мы их снимаем”, — говорил тогда журналистам Сергей Шахрай²⁹. Ельцин поставил перед ними еще одну цель: подобрать достойных кандидатов, которые смогут победить на выборах в своих регионах.

Руководство Нижегородской области во время путча тоже поддержало ГКЧП: в местной прессе была введена цензура — редакции бунтовали, и га-

зеты выходили с пустыми белыми полосами, — а председатель облисполкома Александр Соколов проводил совещания с руководителями силовых структур на предмет пресечения массового недовольства. После путча Соколова сняли, а демократические депутаты облсовета просто взяли и опечатали здание обкома КПСС. Так область осталась вообще без власти. “Возник вопрос — кого?” — вспоминает Николай Ашин. Демократическое общество растерялось, и только у Ашина сомнений не было: надо ставить Немцова³⁰.

К октябрю Немцов и сам созрел: он был готов предложить себя в губернаторы. В конце месяца Ельцин собирал своих представителей для отчета. К этому моменту в аппарате Ельцина уже решили временно отказаться от выборов губернаторов в пользу назначений (о чем он и сообщит съезду 28 октября). На совещании Немцов подошел к Минжуренко и завел с ним беседу. — Ты кого будешь рекомендовать на должность главы администрации? — спросил Немцов.

— У меня пока кандидатуры нет, — ответил Минжуренко.

— Так себя и предложи, — продолжал Немцов, — я уже думаю об этом.

— Слушай, я историк, доцент. Как я буду губернатором? Это же не политическая фигура. Это же завхоз.

— А ты сохрани за собой политические функции, — убеждал Минжуренко Немцов, — и подбери заместителей, отвечающих за разные направления. А сам будешь дирижером.

Минжуренко эта мысль в голову не приходила, и предложение Немцова его смутило: “Может быть, и правда”, — подумал он³¹.

Еще в августе депутаты нижегородского облсовета рекомендовали Москве две кандидатуры на пост главы администрации: директора местного Института систем связи Игоря Петяшина — от демократов, и главы города Арзамас Ивана Склярова — от коммунистов*. В аппарате Ельцина уже даже согласились на Петяшина, но тут вдруг заупрямился и отказался сам Петяшин — под тем предлогом, что выборы главы администрации заменены назначением. “Встал вопрос о выдвижении новых кандидатов, — писала в октябре 1991 года газета «Нижегородский рабочий». — На этом этапе возникла кандидатура представителя президента России в нашей области Бориса Немцова. После полуторасуточных раздумий Борис Ефимович дал на это свое согласие. Одновременно он заявил о готовности к совместной работе с Иваном Скляровым”³².

В октябре на очередной встрече с Ельциным Немцов снова настойчиво уговаривал Минжуренко идти в губернаторы — он не хотел быть бе-

* Областные советы были высшей властью на местах, и игнорировать их президент не мог. Поэтому в президентском указе, изданном после путча, говорилось о необходимости согласования кандидатуры на пост главы администрации с областными советами. На практике тем не менее это происходило не всегда.

лой вороной, ему было комфортнее предлагать президенту свою кандидатуру в компании с кем-нибудь еще. Но Минжуренко отказался: у него не выходил из головы недавний звонок директора местного маслозавода — на заводе закончились упаковочные коробки, и он грозился прекратить отгружать масло, если коробки не будут поставлены. “А почему вы звоните мне?” — недоумевал Минжуренко. “А кому звонить? — отвечал директор. — Я всегда звонил председателю обкома КПСС, а тот звонил на картонно-рубероидный завод и давал пинков тамошнему директору”. На этих пинках и держалась вся советская хозяйственная система. Минжуренко пришел в ужас от перспективы посвятить свою жизнь решению проблем вроде нехватки картонных коробок³³.

Немцов тоже не хотел заниматься коробками. Поэтому он предложил должность вице-губернатора, если его назначат, коммунисту Ивану Скляркову. “Немцов был умным человеком, — вспоминает его помощница тех времен Татьяна Гришина, — он понимал, что не разбирается в вопросах ведения хозяйства, Склярков как раз был хозяйственником. Кроме того, это был компромисс [с нижегородской элитой]”³⁴. Предлагая разделить власть с коммунистом Склярковым, Немцов обеспечивал себе дополнительную поддержку в облсовете. Немцов вышел на трибуну и так и сказал: он — политик, а Склярков будет заниматься хозяйственными делами, и вместе они свернут горы. Депутатам эта идея понравилась, и они рекомендовали Ельцину назначить Немцова.

Многие нижегородские демократы, стоявшие у истоков местных демократических объединений, смотрели на Немцова косо: для них он был чужаком и выскочкой. В местной прессе стали появляться просьбы не назначать Немцова губернатором. Он не только некомпетентен, но и “вступил в коалицию с представителями партийно-хозяйственной номенклатуры, благосклонно воспринявшими деятельность ГКЧП”, — с газетных страниц ябедничал на Немцова один из лидеров местной “Демократической России”. Впрочем, другие активисты за Немцова вступились, настаивая на том, что “он способен решительно проводить в жизнь политику и реформы президента”³⁵.

В Москве тоже возникли споры: ставить Немцова губернатором или нет. Его кандидатуру поддерживал Шахрай. “Я сказал, что Борис Ефимович, безусловно, справится, — вспоминает Шахрай. — Его в области (в основном в городе) знают. А недостаток возраста и знаний он компенсирует каким-то природным чутьем. И мне кажется, что эта формула «природное чутье» была очень близка и понятна президенту”. (Некоторые тогдашние соратники Ельцина полагали, что назначить Немцова советовала Ельцину и вдова Сахарова Елена Боннэр.)

Соратник Ельцина и в скором времени глава Контрольного управления президента Валерий Махарадзе был против. Он перечислял недостатки

Немцова: возраст, нехватка хозяйственного опыта и — почему-то — отсутствие знаний о сельском хозяйстве. Шахрай не сдавался. “У меня было два аргумента, — вспоминает Шахрай. — Я говорю: область оборонно-промышленная. А кроме того, Немцов у меня в комитете написал проект закона о земле. Тут уже обалдел Борис Николаевич: «Борис? Закон о земле?» Говорю: да. Немцов этот закон писал как политический... Это именно реформа, преобразование земельных отношений, а не вопрос о власти. И вот эти два аргумента сработали”³⁶.

Наверняка сработал и третий аргумент: у себя дома в Нижнем Новгороде 32-летний Немцов был самым популярным депутатом. По опросам общественного мнения в октябре 1991-го, его рейтинг доверия составлял 42 % — вдвое выше, чем у ближайшего конкурента³⁷. Но кто бы ни рекомендовал Ельцину молодого нижегородского депутата, это был его личный выбор. И 30 ноября президент издал указ о назначении Немцова главой администрации Нижегородской области. Со слов самого Немцова, Ельцин напутствовал его так: “В принципе, ты совсем зеленый, никакого жизнен-

ного опыта нет, а область важнейшая... Я поставлю тебя. Три месяца испытательный срок. Приеду — проверю. Не справишься — сниму”³⁸.

Здание обкома КПСС стояло абсолютно безжизненное: не было электричества, не работали лифты и телефоны. На пятом этаже располагался кабинет председателя обкома — центр управления областью. Туда и въехал Немцов в декабре 1991 года. “Новоиспеченных отцов области (Немцова и Склярова. — *М. Ф.*) уже окрестили в народе — камикадзе” — так написала про назначение Немцова нижегородская газета “Ленинская смена”³⁹. Григорий Явлинский, с которым Немцов тогда поддерживал тесные отношения, вспоминает, как это выглядело: “Он сидел в обкоме партии, в кабинете первого секретаря обкома. Все разбежались, а он там сидел один, в джинсах, белых носках, с абсолютно всклокоченной головой. И спрашивал у меня: ну что мне делать?”⁴⁰

Прежняя жизнь закончилась, дорога назад, в науку, была закрыта: Немцов стал властью. Теперь он пришел в политику надолго. Может быть, навсегда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 5

Столица реформ. 1992–1993

МИТИНГ норковых шуб

— Два миллиона раз! Два миллиона два! Два двести. Два четыреста. Два миллиона четыреста раз. Два миллиона четыреста два. Два миллиона четыреста... — Перед тем как произнести цифру “три”, аукционист сделал театральную паузу, — ... три, продано! — и стукнул молотком по кафедре¹.

В Советском Союзе не было свободных цен, само понятие “аукцион” воспринималось как синоним капитализма и, следовательно, нечто криминальное. Поэтому легендарный аукционист Арсений Лобанов был едва ли не единственным профессионалом на всю страну: он еще с конца 60-х годов вел аукционы по продаже скакунов за валюту для иностранцев. Теперь он за 2 млн 400 тысяч рублей — примерно 24 тысячи долларов — продал продуктовый магазин на состоявшемся 4 апреля 1992 года первом показательном аукционе в Нижнем Новгороде. Лицо сидевшего в зале Егора Гайдара светилось детской радостью. На глазах сбывалась его заветная мечта: государственная собственность — вошедшие в жизнь каждого советского человека магазины под названиями “Мясо-рыба”, “Овощи-фрукты”, кафе, парикмахерские, химчистки и пр. — уходила в частные руки. Не менее довольным выглядел сидевший рядом с Гайдаром его соратник с рыжей шевелюрой — недавно назначенный главой Госкомимущества 36-летний экономист из Петербурга Анатолий Чубайс, архитектор российской приватизации. “Еще пять месяцев назад мы [с Гайдаром] писали всякие проекты, — вспоминал потом Чубайс, — а теперь оказались в качестве официальных представителей власти, которые довели дело до конца. То был момент счастья”².

Именно этот аукцион дал старт приватизации в России. Большой — ваучерной — приватизации предстоит начаться только в июле. Пока же речь шла о малом бизнесе. Как писала летом 1992 года в своем отчете Международная финансовая корпорация — структура Мирового банка, которая помогала организовывать аукционы, — Нижний Новгород был выбран для эксперимента по двум причинам. Во-первых, это “типичный российский город”, а значит, в случае успеха нижегородскую модель можно будет тиражировать по всей России. Во-вторых, приватизацию активно поддерживают местные власти, а “опыт Чехословакии и Польши показал, насколько для такого типа приватизации важна политическая поддержка”³. Обе страны, особенно Польша, служили тогда примерами успешного перехода от социализма к капитализму, и в нижегородском эксперименте участвовали польские, чехословацкие и венгерские эксперты, а Международная финансовая корпорация оплачивала их работу.

Немцов проработал губернатором всего месяц, но Нижегородская область уже была на особом счету. “Боря привел экспертов из Международной финансовой корпорации, и мы сразу начали готовить малую приватизацию. Их помощь была очень полезной”, — вспоминает Дмитрий Бедняков, тогда мэр Нижнего Новгорода⁴. Фактически подготовка к приватизации началась одновременно с освобождением цен — и одновременно с первым визитом Ельцина, который в начале января отправился с инспекцией по городам Поволжья и заехал, разумеется, в Нижний Новгород.

Ельцин всегда подчеркивал свою близость к людям — он привык к народной любви и тем и отличался от партийных бонз, что без смущения ходил по магазинам и ездил на городском транспорте. Пройдясь по холодному зимнему рынку, президент без предупреждения завернул в один из центральных гастрономов. Продукты в магазине уже были — полки заполнились почти сразу же, как были отпущены цены, — но килограмм масла стоил 207 рублей. До либерализации цен, в декабре, масло стоило 3 рубля 50 копеек. (На самом деле декабрьский ценник не имел никакого практического смысла — купить масло по этой цене все равно было невозможно; этот экономический феномен называется “подавленная инфляция”). Гайдар предполагал, что после реформы рост цен составит 200–300 процентов. Он почти угадал: в январе цены выросли в среднем в 3,5 раза, но в Нижегородской области цена на масло подскочила еще выше. Психологический эффект был огромный. Ельцин прилетел в Нижний Новгород из Ульяновска, прибрежного города ниже по течению Волги, где масло, как ему сказали, стоило 60 рублей (в первую-вторую неделю после освобождения цен такие диспропорции были еще возможны; к тому же ульяновский губернатор, коммунист старой закалки, не только по-прежнему пытался регулировать цены, но и пускал президенту пыль в глаза — Немцов принципиально не делал ни того ни другого). В магазине, как потом вспоминал Немцов, на Ельцина набросились “бабушки с авоськами, которые хотели его убить”. Это одна из любимых историй Немцова:

— Борис Николаевич, пенсии никакие, а масло 207 рублей! За неделю — в пятьдесят с лишним раз!

— Но его не было, а теперь есть.

— Пусть лучше по талонам, понемножку. А что толку, что теперь все есть, не купишь же: месячная зарплата — килограмм масла!

Ельцин поворачивается ко мне:

— Кто установил такие грабительские цены?

Я, поскольку был молодой, отвечаю:

— Это сделали вы.

— Как я?!

— Вы. Вы подписали указ о свободных ценах и свободной торговле. Вот его результаты⁵.

Разозленный Ельцин поступил по старинке — распорядился снять с должности директора молокоторга, будучи уверен в том, что это он взвинтил цены на масло. “200 рублей за килограмм масла — это безобразие, — возмущался Ельцин в тот же день на встрече с рабочими, — это отрывка прежней административно-командной системы”⁶. На самом деле отрывка если и была, то лишь по той причине, что участники рынка еще не сформировали между собой новые связи. В высокой цене масла директор молокоторга виноват не был, да и Немцов, строго говоря, не имел полномочий его уволить. Как рассказывал сам Немцов, директор — его фамилия была Докукин — пошел ему навстречу: согласился уйти, чтобы не создавать проблем молодому перспективному губернатору. Перед вылетом в Москву Ельцин еще раз вспомнил про Докукина. Немцов подтвердил, что тот снят. Ельцин успокоился только тогда, когда удостоверился в этом лично — не поленился сделать звонок из машины по системе правительственной связи⁷.

Уже тогда, в самом начале января 1992 года, было понятно, что Немцов — один из фаворитов Ельцина и пользуется большим доверием. “Я верю, что он пойдет демократическим путем, верю в его ум, в его ответственность, и в его активность, безусловно, — говорил президент перед отъездом. — Молодость не считается недостатком. Да, отсутствие производственного опыта пока называется. Но это с годами проходит. Поэтому я считаю, что это хорошая кандидатура для нижегородцев. И с каждым днем он будет набирать...”⁸ Так Немцов получил карт-бланш на реформы, и Нижнему Новгороду было суждено стать первопроходцем в малой приватизации.

В административной экономике магазин был лишь витриной и прилавком. Товары распределялись по магазинам через систему торгов, именно там решали, куда, сколько и по какой цене. Директор молокоторга был властелином молочного рынка в прежней жизни, до освобождения цен. Но если бы Докукин не уволился, он бы все равно скоро потерял свое место, поскольку в рыночной экономике исчез сам молокоторг. Когда Гайдар и Чубайс пришли вместе с Немцовым на аукцион 4 апреля, им пришлось чуть ли не с боем прорываться в зал через толпу протестующих, вооруженную плакатами “Гайдар, не плоди нищих!” и “Цены кусаются, мы — еще нет!”. При этом толпа скандировала “В отставку!” и другие похожие лозунги. Ирония исторического момента заключалась в том, что на антигайдаровский митинг вышла верхушка советской торговли, люди далеко не нищие. “Злость разбирала: уж очень видна была организованность протеста, — вспоминал потом Чубайс. — Хорошо и даже элегантно одетые, упитанные и уж совсем не обездоленные люди”⁹. Это были в основном женщины средних лет — как раз руководители пищеторгов, функционеры большого советского аппарата пищевого снабжения, еще недавно распределители главных благ и хозяева жизни. Это был митинг дорогих французских духов, шутил потом Немцов. А тогда он говорил Гайдару: “Егор Тимурович, вот

так относятся к нашим реформам работники советской торговли. Это значит, что мы на правильном пути”¹⁰.

Опасения торгового лобби были вполне понятны, но оказалось, что у рыночной экономики тоже есть свои преимущества. Во-первых, нижегородская приватизация шла по компромиссной схеме: трудовым коллективам приватизируемых магазинов и кафе они доставались дешевле, чем остальным покупателям, — со скидкой от финальной цены аукциона и возможностью расплачиваться в рассрочку. Во-вторых, у торговых функционеров водились деньги — а значит, им было на что покупать. “Тетки в норковых шубах быстро переориентировались, — вспоминает тогдашний соратник Немцова Павел Чичагов, — и стали покупать сами. Кто-то перепродал, кто-то закрыл, кто-то стал развивать как бизнес. В экономике это называется первичное накопление капитала”¹¹.

На самом деле показательный аукцион 4 апреля был не первым в Нижнем Новгороде — в марте Бедняков и Немцов уже провели два подобных конкурса, на каждом десятки лотов ушли с молотка за вполне приличные по тем временам деньги, и, судя по ажиотажу, Гайдар и Чубайс могли рассчитывать на успех. Для них это было важно. Оппозиция реформам ширилась, политическая обстановка в Москве раскалилась, через несколько дней начинал работу очередной съезд, где депутаты под предводительством Руслана Хасбулатова готовили, по выражению Гайдара, “первую фронтальную атаку на реформы”. Гайдару и Чубайсу нужен был пример удачного опыта. “Для нас было крайне существенно до съезда сделать что-то реальное, как бы подать некий сигнал во все регионы, — так эту историю описывает Чубайс. — И когда я понял из контактов с Немцовым, что у него появляется конкретный проект — первый в новейшей истории России аукцион по продаже муниципальных предприятий торговли и быта, — я предпринял все усилия для того, чтобы это событие стало не рядовым коммерческим, а политическим. Мы с Гайдаром решили ехать в Нижний Новгород”¹².

Расчет оправдался. “Это была одна из немногих наших политических побед раннего демократического периода”, — вспоминает Чубайс¹³. Аукционы в Нижнем Новгороде продолжались еще два года. “Мы продали всю сферу услуг!” — хвастается Бедняков¹⁴. Аукцион 4 апреля стал политической победой не только правительства, но и Немцова. Об аукционе говорили все, а Нижний Новгород впервые со дня освобождения академика Сахарова из ссылки в декабре 1986 года попал в заголовки мировой прессы. Газета *The Washington Post* писала о том, как выигрышно смотрится Нижний Новгород на фоне увязших в спорах о методах и путях приватизации Москвы и Петербурга¹⁵. *Los Angeles Times* отмечала политическое мужество молодых нижегородских лидеров¹⁶. Немцов делал первые шаги вперед — и к международному признанию, и к своему будущему положению самого популярного губернатора в стране.

Немцов против Гайдара

Егора Гайдара в принципе не интересовали ни деньги, ни комфорт, а на свою карьеру он смотрел исключительно как на миссию, дело жизни — отодвинуть страну от края пропасти и гражданской войны и перевести российскую экономику на здоровый рыночный путь. Он не лукавил, когда говорил, что дни его правительства — первого постсоветского правительства — сочтены, и не жалел об этом. Гайдар был готов к тому, что именно на него будет возложена ответственность за свободные — то есть высокие — цены и накрывшую Россию удручающую повсеместную бедность, хотя в реальности это цена, которую приходится платить за банкротство плановой экономики. Гайдар понимал: главное, что ему понадобится на первом этапе, — это сила воли. Потому что на него посыплются бесконечные просьбы о деньгах и он вынужден будет отвечать на них отказом. За каждой из этих просьб так или иначе будут стоять живые и часто несчастные люди — учителя и врачи, военные и ученые, пенсионеры, которым не на что жить. Но законы экономики жестоки и неумолимы: деньги нельзя печатать просто так; деньги, не обеспеченные ростом производства и подъемом экономики, обесцениваются и разгоняют инфляцию, которая потом снова бьет по кошелькам все тех же бедных людей. И монетарист Гайдар изо всех сил, как мог, пытался сдерживать рост денежной массы и заставить страну жить по средствам.

Немцов и Гайдар были союзниками, и их многое объединяло — приверженность демократии и рыночной экономике, желание видеть Россию современной европейской страной, а также возраст, что было очень важно, и, наконец, тот факт, что оба были ставленниками Ельцина, его личными креатурами. Но они двигались параллельно, а не единым фронтом. Гайдар и его соратники только расселись по кабинетам. Немцов хотя и был моложе, мог считать себя более опытным — все-таки в политику он пришел заметно раньше и уже побеждал на выборах. “Боря вырос не в нашей команде, — вспоминает Чубайс, — он вырос независимо от нас”¹⁷.

Именно поэтому летом 1992 года по приглашению Немцова в Нижний Новгород приехал Григорий Явлинский. С Немцовым они были хорошо знакомы с лета 1990-го. После того как Ельцин сделал выбор в пользу Гайдара, Явлинскому, автору программы “500 дней”, воплощать свои идеи в жизнь было негде. Уже известный и популярный политик, к весне 1992 года он перешел в мягкую оппозицию к правительству. Немцов же относился к Явлинскому с большим уважением и, став губернатором, всегда приходил к нему за советом, когда приезжал в Москву, а потом позвал разрабатывать программу реформ для своей губернии (тогда было принято говорить “губерния”, а не “область”). Явлинский с готовностью согласился. Во-первых, ему хотелось работать. Во-вторых, созданный им исследовательский центр

был в тот момент в тяжелом финансовом положении: не было заказов, следовательно, не было денег. Причем денег не было настолько, что команда Явлинского в Нижнем Новгороде работала за питание и жилье. “Они работали за еду, — вспоминает Бедняков, — их поселили в Зеленом Городе (поселок в 15 км от города, где располагались дачи руководителей области), кормили их, и все — этого им было достаточно”¹⁸.

Разумеется, на областном уровне пространство для разработки реформ было очень узким. Насколько это было возможно, подготовленная Явлинским и его командой программа “Нижегородский пролог” адаптировала для нижегородских условий их же программу “500 дней”. Команда Явлинского анализировала экономическую статистику, предлагала варианты бюджетного и налогового маневров (как, исходя из существующих возможностей, оказывать финансовую поддержку бюджетникам и работникам государственных предприятий), разрабатывала следующие этапы малой приватизации (например, грузового транспорта), варианты реформы коммунальных услуг, проекты адресной социальной помощи. Важной составляющей “Нижегородского пролога” была идея, что реформы надо делать самим. “Очень многие вещи надо делать на местах. И если реформы, которые идут снизу, будут встречены и сомкнутся с реформами сверху, то будет успех”, — считал Явлинский¹⁹. Явлинский и принимавший участие в разработке этой идеи Бедняков потом особенно гордились облегченной заявительной системой регистрации частных предприятий. “Приходите на почту, — вспоминает Бедняков, — берете бланк в двух экземплярах, заполняете, один оставляете себе, второй оставляете на почте, и почта сама его отправляет в администрацию, и если в течение двух недель вас не вызывают для отрицательного ответа, ваш бизнес действует. И все”²⁰.

Одной из ключевых — и точно самых громких — идей Явлинского стал выпуск облигаций областного займа, по сути местной валюты, вошедшей в историю как “немцовки”. Проблема была в том, что уже к середине лета 1992 года государство задолжало и предприятиям, и гражданам огромные суммы: люди не получали зарплаты, предприятия — деньги за продукцию. В экономике возник кризис неплатежей. На этом фоне расцвел бартер и как грибы стали появляться денежные суррогаты — талоны, векселя и прочие бумажные обязательства, которые выдавали друг другу агенты рынка.

Одновременно правительство столкнулось с острейшей нехваткой наличных денег. С ростом цен потребовались новые деньги — купюры крупных номиналов. Гайдар отдал соответствующее распоряжение Гознаку. “Однако, — вспоминал потом Гайдар, — почти сразу же после этого [начальника Гознака] Алексеева вызвал Хасбулатов и устроил ему жесточайший разнос: «всяких гайдаров слушаете и инфляцию в стране разводите». В запутанном законодательстве того времени разобраться, чей приказ главнее, было непросто. Получив нагоняй, начальник Гознака затаился. Работа

по подготовке новых купюр была приостановлена”²¹. На местах острейшая проблема нехватки наличных решалась так: предприятия выдавали своим работникам вместо денег талоны и чеки, те шли с ними в магазины за товарами, а предприятия перечисляли магазинам эквивалентные покупкам безналичные суммы. С согласия областной администрации так делал не только бизнес: в Нижнем Новгороде свои купоны печатал даже Институт прикладной физики.

Немцову надо было как-то решать проблему нехватки ликвидности: без денег рабочие начинали бастовать у станков. “Что могут сделать губернатор и его команда, — негодовал Немцов, — если правительство не дает наличных денег? Мы уже должны населению около пяти миллиардов заработанных им рублей. Терпение людей на исходе, и ничем, кроме как головотяпством правительства, объяснить это нельзя. Не платя зарплату, оно взрывает и без того опасную ситуацию в стране... Это вынуждает меня заявить о резком несогласии с правительством”²². И Немцов перешел к действиям.

Сначала он подал против правительства иск в Конституционный суд. А затем было решено выпустить “немцовки”, бумаги областного займа, которыми можно было бы расплачиваться в магазинах, а магазины бы потом в обмен на эти бумаги под гарантии областной администрации получали бы на свои счета из банков соответствующие безналичные суммы. “Мы придумали, как сделать этому займу обеспечение, — вспоминает Явлинский. — Очень просто. Мы купили нефтепродукты, горючее. И горючее из-за инфляции росло в цене. И у нас было обеспечение”²³. Кроме того, сумма займа должна была быть равна сумме федеральной задолженности населению — опять-таки чтобы не спровоцировать новый виток инфляции. Немцов лично занимался организацией печати этих “казначейских потребительских билетов”, как официально назывались немцовские облигации на одной из фабрик Гознака.

Немцовки пользовались большим успехом. “В итоге областной заем стал реальным конкурентом Сбербанку в привлечении одного из самых дешевых кредитных ресурсов — денежных сбережений населения”, — писала газета “Коммерсантъ”²⁴. Однако в Москве, естественно, план Немцова вызвал резкое недовольство — какое правительство поддержит введение местной валюты, разрывающей единое экономическое пространство страны? “Тайдар меня тогда чуть не убил... — признавался позже Немцов, — даже хотел снять меня с работы”²⁵. Немцовки в широкий оборот так и не вошли: из Москвы срочно доставили необходимую наличность, и проблема была решена — то есть Немцов своего добился. В итоге немцовки превратились в талоны на бензин для областного автопарка: их выдавали водителям, те оплачивали ими топливо, а заправки потом обменивали их на деньги. Идея была еще и в том, чтобы отбить у местных бандитов и рэкетиров желание грабить автозаправки.

Это был не единственный, хотя, видимо, самый серьезный конфликт между Немцовым и Гайдаром. Логика их отношений была понятна: как и многие другие губернаторы, Немцов отказывался отпускать цены на бензин, пытался добиться от правительства льгот, уступок, преференций и каких-нибудь других финансовых поблажек, которые позволили бы областному бюджету свести концы с концами. Как и многим другим, Гайдар ему отказывал. «А Немцов говорил, — вспоминает его соратник Чичагов, — Егор, а ты посиди тут на моем месте»²⁶.

Сидеть на месте Немцова значило в том числе стараться решать проблемы самых обычных и чаще всего бедных и несчастных людей, которым негде жить, нечем лечиться, не на что купить самые элементарные продукты. Помощник, а в прошлом студент Немцова в НИРФИ Александр Котюсов вспоминает свой первый рабочий день в сентябре 1992 года. Это был как раз тот день, когда губернатор принимал граждан, которые заранее записались на прием; обычно в такой день Немцов выслушивал около двадцати человек. «Входит старушка, — рассказывает Котюсов, — Немцову на стол кладут ее документы. Что у нее? Ей негде жить. Она сама из деревни. Муж пьяница, у сына эпилепсия, дочь тоже тяжело больна. Живут на пятнадцати квадратных метрах. Она стоит в очереди на жилплощадь, примерно под миллионным номером, и просит в виде исключения дать ей квартиру. То есть как просит — бросается на колени и с плачем бьется головой об пол. Вдруг Немцов сухим голосом говорит ей: «Так. Выйдите, успокойтесь, через 15 минут вернитесь. Или, если готовы нормально разговаривать, попейте водички и давайте. Если нет — идите». Я его потом спрашиваю: разве так можно? Так грубо с человеком. Он отвечает: «Я губернатор. Таких, как она, много. Если я каждую проблему буду пропускать через сердце, то я не выдержу. Но это не значит, что я не вхожу в ее положение»²⁷.

Таких старушек действительно было много. И Немцов делал что мог. Если другого выхода не было, он обращался к бизнесменам, которые его поддерживали, и просил помочь. «Борис мыслил категориями справедливости. Пришла к нему бабка на прием, — вспоминает крупный нижегородский предприниматель и кинопродюсер Владимир Седов, — и он звонит мне: «Вот тут у меня бабушка, ей квартира нужна». И мы проверяли ее жилищные условия и давали ей квартиру. Мы понимали, что Немцову надо помогать»²⁸.

Отношения Немцова и Гайдара в ту пору определялись разницей их полномочий и ответственности: Немцов отвечал за свою губернию, Гайдар — за экономику всей страны. В 1992–1993 годах Немцов активно критиковал правительство и жесткую экономическую политику Гайдара, рассуждая в том духе, что реформы чересчур радикальны и реальная жизнь сложнее придуманных в Москве схем. «Реформы без шока» — так он фор-

мулировал, какие преобразования нужны России. На референдуме в апреле 1993 года он даже оставил без ответа вопрос “Поддерживаете ли вы экономические реформы?”, несмотря на то что ельцинский штаб агитировал отвечать “да”. Потом, много лет спустя, Немцов не единожды скажет, что за многие свои выпады против правительства того времени ему стыдно: в их спорах Гайдар, конечно, был прав, а он нет. Но тогда эта дистанция ему помогала: пока реформаторы тратили политический капитал, Немцов его зарабатывал уже одним тем, что не входил в их команду. Впрочем, и тогда, несмотря на частые конфликты, Гайдар и Немцов относились друг к другу с уважением. Даже скандал с “немцовками” не оставил у них тяжелого чувства: оба были незлопамятны, Немцов особенно, и легко перешагивали через ссоры.

Почему не надо брать взятки

Немцова и Гайдара объединяло еще одно принципиальное свойство — материальная бескорыстность, она тоже помогала им легко выходить из неурядиц и споров, ведь оба понимали, что в разногласиях ими не движут личные интересы.

Немцов однажды рассказал, как в том же 1992 году он по совету Складорова — тот когда-то возглавлял горком КПСС и был человеком опытным — принес Гайдару две большие банки черной икры и трехлитровую бутылку водки в знак признательности за то, что премьер поддержал их позицию и запретил повышать уровень воды в соседнем Чебоксарском водохранилище. “Захожу я в кабинет к Гайдару, говорю: «Вот, Егор Тимурович, спасибо от всех нижегородцев. Вот икра, водка». Гайдар — очень интеллигентный человек, матом не ругался, но такого мата и крика, как я услышал в свой адрес, я не слышал... Он меня вытолкал буквально взащей за дверь”²⁹.

Коррупция — широкое понятие, границы нечеткие: как отличить взятку от дружеского подарка? Где кончается честное распределение благ и начинается nepотизм? С первых дней своего губернаторства Немцов был исключительно щепетилен. Его помощник тех лет Андрей Младенцев вспоминал потом, что в разговорах Немцова с предпринимателями никогда ни одно слово не звучало как намек, что нужно что-то сделать, чтобы заручиться его поддержкой.

Своей щепетильностью Немцов иногда задевал чувства коллег. Бизнесмен Игорь Аронов, приятель Немцова еще со времен НИРФИ, рассказывал, как, возглавив по просьбе Немцова совет предпринимателей при губернаторе, он попросил у Немцова помощи. У него украли “Волгу”, на которой он ездил как один из руководителей возрожденной при Немцове Нижегородской ярмарки, и, замолви за него Немцов слово на заводе, ярмарка могла бы купить новую “Волгу” по себестоимости. Немцов сразу же сказал

“нет”. Аронов объяснил: машина нужна для дела, а не ему лично, ярмарка ведь не частное предприятие. “Я бы подписал, — сказал Немцов, — если бы ты не был моим другом”. Аронов негодовал: с его точки зрения, со стороны Немцова это был некрасивый популистский ход³⁰.

Бизнесмена Артема Тарасова в прессе называли первым советским миллионером, крупное состояние он сколотил еще на излете советской эпохи. В 1993 году в Нижнем Новгороде был объявлен тендер на внедрение мобильной связи, и, стремясь получить выгодный контракт, Тарасов с партнером решили подкупить Немцова. Сами давать взятку губернатору они побоялись и специально для этого взяли с собой на переговоры шоумена Михаила Борисова. Тот с удовольствием согласился и, оставшись наедине с Немцовым, положил перед ним конверт с 5000 долларов — по тем временам большими деньгами. “Немцов посмотрел на пакет, — вспоминал потом Тарасов, — и вдруг спрашивает:

— Это что, взятка?

— Да, — искренне ответил Миша и пододвинул пакет к Немцову.

— Знаешь, — говорит Немцов, двигая пакет обратно в сторону Миши, — я очень хорошо отношусь к Артему, и мне очень нужны деньги. Я бы их взял. Но, понимаешь, я поставил себе цель — сделать политическую карьеру. И поэтому обязан оставаться абсолютно чистым. Поэтому возьми пакет обратно и передай Артему, что если вы честно победите в тендере, тогда получите контракт, а по-другому никак не выйдет. Пусть Артем на меня не обижается, ладно?”³¹

Пять тысяч долларов покажутся копейками на фоне искушений, с которыми Немцов столкнется уже скоро, в течение следующих двух-трех лет. В России должность губернатора, прямо связанная с распределением собственности и государственных заказов, станет одной из самых коррупционных: несколько глав регионов станут миллионерами, а затем и миллиардерами, подавляющее большинство обеспечат себе крупные состояния. У Немцова первые деньги — и те даже близко несравнимые с типичным губернаторским достатком — появятся только после того, как он перестанет быть чиновником. Первым комфортным жильем Немцовых станет предоставленная ему в пользование как губернатору государственная дача в Зеленом Городе недалеко от Нижнего. “Что удерживало меня от взяток? — писал позже Немцов. — Честно скажу: страх разоблачения. У меня возникали всякие мысли при виде огромных денег. Представьте только: на столе лежит чемодан, набитый пачками стодолларовых купюр. Я понимал, что за такие деньги можно решить множество личных проблем. Но также отдавал себе отчет в том, что и жизнь изменится, возникнут неразрешимые конфликты... И второе: взятки — это серьезные репутационные риски. Любопытно, но рынок взяток, с одной стороны, очень закрытый, а с другой — на нем все обо всех знают”³².

Немцов долго не мог позволить себе купить второй костюм. За границей ему не хватало денег даже на сувениры. Уже во время первой заграничной командировки — в Париж и в Лондон в ноябре 1993 года — его заместителю по международным вопросам Игорю Маскаеву было неловко: до того как поступить на госслужбу к Немцову, он поработал в бизнесе за границей, был лучше одет и имел больше денег. В Париже Немцов пролил на костюм вино, и, когда они прилетели в Лондон, Маскаев отдал костюм в экспресс-чистку при гостинице: Немцов должен был идти на прием к бывшему премьер-министру Маргарет Тэтчер. За 15 минут до выезда к Маскаеву прибежал взмыленный британский дипломат, из тех, что занимались визитом: Немцов до сих пор не спустился в холл, он у себя в комнате, там какая-то проблема, а уже надо ехать, на чай к госпоже Тэтчер ни в коем случае нельзя опаздывать. Маскаев пошел к Немцову в номер и обнаружил его в одних трусах.

- Ты что раздет? — удивился Маскаев. — Нам же уже выходить пора.
- У меня проблема.
- Какая проблема?
- Костюм, который ты сдал в чистку, еще не принесли.
- Ну так надень другой!
- Но у меня только один костюм!³³

Тут Маскаев понял, что проблема действительно серьезная, и пошел за помощью к дипломату. Когда стало ясно, что срывается встреча с Тэтчер, британский МИД встал на уши. Через несколько минут к Немцову поднялась целая делегация во главе с менеджером гостиницы — с костюмом, фруктами, шампанским и извинениями.

Став губернатором, Немцов сразу принялся учить английский и через пару лет говорил уже вполне сносно. Из той лондонской поездки он привез полтора миллиона фунтов стерлингов — финансовую помощь на проведение аграрной реформы. Пиар и фандрайзинг — поиск денег для реформ — стали важной частью его работы.

Купцы, торговцы и теннисные турниры

Немцов задумал сделать Нижегородскую область полигоном аграрной реформы. “Я принял это предложение”, — вспоминает Виктор Хлыстун³⁴. На Волгу поехали экономисты-аграрники, и так появилась нижегородская модель приватизации колхозной земли. Идти тем же путем, что и страны Восточной Европы — вернуть землю прежним владельцам, — Россия не могла: эта возможность была сведена к нулю коллективизацией и последовательным истреблением крестьянства. “В итоге решили сделать почти как Столыпин (имеется в виду аграрная реформа 1905 года. — *М. Ф.*). То есть выделить людям доли, а что с ними делать, пусть решают сами”, —

пишет один из разработчиков нижегородской реформы, директор аграрного института Василий Узун³⁵. Работники колхозов и совхозов получали паи и, объединяя эти паи, могли выкупать колхозную землю и инвентарь на внутренних колхозных тендерах. Глава небольшого городка Шахунья в двухстах километрах от Нижнего Новгорода Юрий Лебедев (потом он станет вице-губернатором) вспоминал, как он объяснял людям на собрании в одном из совхозов, что эта земля теперь их собственность, — можно всем вместе выкупить совхоз, можно из него выйти и организовать свое хозяйство. «Люди не верили. Я помню, одна женщина встала и меня спрашивает: «Это что, моя земля, что ли?» Я говорю: «Да, это ваша земля». — «Я не верю», — она сказала»³⁶.

Немцов торопился — чем быстрее все колхозы превратятся в фермы, тем лучше. Хлыстун убеждал его не спешить: если люди не готовы, ничего не выйдет. Министр оказался прав. На первых этапах нижегородская модель — она получила название «ЗеРНО» (земельная реформа Нижегородской области) — показывала хорошие результаты: сформированные на колхозных землях фермерские хозяйства оказались и более урожайны, и более прибыльны. Но это получалось там, где у руля оказались крепкие фермеры из числа крестьян или даже председателей колхозов. А на других землях реформа уперлась в вечные российские проблемы: в пьянство и инертность людей, в саботаж со стороны руководителей, которые прятали в сейфы бумаги и отказывались разъяснять крестьянам их права и суть реформы, в скандалы между пайщиками при дележке прибыли от урожая и т. д. «[Нижегородская модель] была рассчитана на лидеров, крепких таких дядек, которые поведут всех за собой, — рассказывал потом Вячеслав Боляк, один из вице-губернаторов при Немцове, который позже стал главой городка Кстово, — а я уже знал, что в Кстовском районе таких нету... И тут Борис мне дает эту программу. Я сел, почитал и понял: если мы сейчас ее запустим — все, кранты. Тут надо сказать, что у Немцова была очень хорошая память. Его администрация работала как часы: он помнил, кому, какие и когда указания давал. И я понимал, что рано или поздно он потребует у меня отчитаться по этой программе. Вышел из положения я как обычно — просто пришел и сказал, что «ЗеРНО» у нас в районе работать не будет. Боря сразу вспыхнул: у всех работает, а у тебя не будет? Да я тебя уволю сейчас! Да увольняй, говорю, с кем останешься-то? Только помни, что ты обещал мне не мешать. Ну, он вспыхнул и поутих. Так Кстово и осталось без «ЗеРНА»»³⁷.

Конечно, 33-летний губернатор, очень энергичный, но не имевший до того никакого управленческого опыта, неизбежно совершал ошибки. Их было достаточно. Например, Нижний Новгород, растянувшийся на огромные расстояния по обе стороны реки, испытывал острейший дефицит общественного транспорта: старые, ржавые, холодные автобусы, в которые люди набивались как сельди в бочки, разваливались на глазах,

бастовали шоферы. Денег на зарплаты и на новые машины не было. Губернатор попробовал решить эту проблему, перенаправив на городские маршруты автобусы, которые обслуживали заводы и автобазы, — в итоге система перевозок перестала работать и там и там. Немцова критиковали и за то, что при нем расформировывались строительные техникумы, а он не уделял этой проблеме должного внимания, и это отразилось на темпах строительства в области.

Но в целом Немцов был успешен — и как реформатор, и как губернатор. Нижний Новгород на глазах превращался в третью столицу, в самый прогрессивный город своего времени. Туда стремился бизнес: при Немцове была быстро возрождена знаменитая Нижегородская ярмарка (как тогда говорили, национальная идея Нижегородской области), в область пришли инвестиции.

Туда ехали иностранцы: журналисты, бизнесмены, политики. Популярная в России еще с горбачевских времен, Маргарет Тэтчер побывала в Нижнем Новгороде с визитом — за три месяца до того, как угощала Немцова чаем в своем лондонском доме. В мемуарах она с восторгом описала их совместную прогулку по центральной Большой Покровской улице: “Большого контраста с серой монотонностью Москвы невозможно было себе представить. Один магазинчик врезался мне в память. В нем торговали молочными продуктами, а выбор сыров был таким, какого я не видела нигде”³⁸.

Еще через полгода в Нижний Новгород приехал уже действующий британский премьер-министр, преемник Тэтчер Джон Мейджор — и даже участвовал в репетиции аукциона по продаже одного из колхозов. Большая Покровка при Немцове действительно выделялась на общем фоне — к середине 1993 года фасады на ней уже были подкрашены, на каждом шагу летнее кафе с зонтиками от солнца. По тем временам это был невероятный прорыв, едва ли не первый опыт городского благоустройства в стране. Исторически город купцов и торговцев, в начале 90-х Нижний Новгород расцвел вновь. В глазах общественного мнения это был полигон экономических реформ — и один из центров светской жизни. Известный российский кинорежиссер Никита Михалков снимал там своих “Утомленных солнцем” и привозил в город гостивших в Москве голливудских звезд, а Немцов устраивал теннисные турниры: поскольку Ельцин играл в теннис, то теннис быстро вошел в моду, и на турниры в Нижний приезжали министры, бизнесмены, звезды шоу-бизнеса. Мэр Самары Олег Сысуев познакомился и подружился с Немцовым на одном из таких турниров. “Нижний Новгород был модным местом, — вспоминает Сысуев. — Это было место, на которое хотелось ориентироваться, какие-то вещи хотелось повторять. И мы все время смотрели на Нижегородскую область как на передовика тогдашнего производства. Была ли она богатой? Думаю, что нет. Борис, безусловно, придавал, насколько это было возможно, европейского лоска этому русскому городу”³⁹.

Выражение “край непуганых журналистов” применительно к Нижнему Новгороду появилось в 1994 году с легкой руки коллег из Ульяновска, где губернатором был бывший первый секретарь обкома КПСС. Дело было так. Пока Немцов опаздывал на одну из своих пресс-конференций, журналисты общались между собой, и приезжие допытывались у местных, как им работается: собирают ли у них заранее вопросы, о чем вообще можно спрашивать и надо ли получать аккредитацию, чтобы работать с областной администрацией? Конечно, спрашивать можно о чем угодно, а в администрацию пропускают всех, отвечали нижегородские журналисты. “В это время влетел Борис, знакомых девчонок-журналисток чмокнул в щечку, парням пожал руки, отпустил какую-то шутку и прошел в президиум, — вспоминает журналистка Наталья Лисицына. — После пресс-конференции кто-то из ульяновцев с тайной завистью вздохнул: «Да у вас тут просто край непуганых журналистов»”⁴⁰.

“Я у него научился работать со СМИ, — признавался Юрий Лебедев. — Я из старого советского прошлого, во мне эта закваска есть: если начальник сказал, бурундук птичка, значит, птичка, и никаких зверьков. А тут, оказывается, надо с журналистами разговаривать, отвечать на острые вопросы, а то один раз соврешь, потом тебя поймают, будешь бледно выглядеть”⁴¹. На самом деле свобода прессы, главное завоевание перестройки, в начале 90-х оставалась неотъемлемой частью политического ландшафта. Фотогеничный и общительный, Немцов просто хорошо умел использовать эту свободу: в редакциях его любили, а он отвечал взаимностью. Никогда не отказывал в комментариях, еженедельно, или чуть реже, отвечал на вопросы в телеэфире — потому что понимал, что ему это выгодно.

Контролировать журналистов Немцову было незачем — хватало харизмы и популярности. И он всегда придерживался мнения, что исполнительная власть не должна владеть СМИ (другое дело, власть законодательная, советы, это в те годы считалось естественным и нормальным). Когда вскоре после путча Немцову предложили перевести в ведение администрации области оставшуюся без учредителей газету “Нижегородская правда”, издание обкома КПСС, он отказался. Уже скоро в области работали семь телеканалов, а количество газет удвоилось. “В Нижегородской области сложился один из самых мощных медиарынков того времени, — вспоминает взглядовец Александр Любимов, — большое количество газет и телекомпаний, и все они как-то функционировали”⁴². Любимов, который приятельствовал с Немцовым, и сам приезжал на несколько месяцев в Нижний Новгород, чтобы построить там новый независимый телехолдинг. Из этой затеи ничего не вышло, но и она свидетельствовала о том, что город становится точкой притяжения для знаменитостей из Москвы.

В 1992 году представление о том, что Нижний Новгород — столица прогрессивных веяний, быстро распространилось по всей стране. Именно

в Нижний Новгород в сентябре 1992 года съехались 60 российских губернаторов, чтобы обсудить будущее реформ — беспрецедентное по тем временам событие для провинции. Президент мог быть доволен: его молодой ставленник не просто справляется, а задает новые стандарты.

О том, что Немцов фаворит Ельцина, московская бюрократия — и сам Немцов — узнали в апреле 1993 года, после того как на одном из приемов в Кремле Ельцин признался в разговоре с иностранной делегацией, что смотрит на него как на своего преемника. Новость быстро разнеслась по Москве. “Борис поверил в это, и ему это помогло, — говорит один из помощников Ельцина того времени, — он стал менее осторожен, потому что знал, что его прикроют. Он стал быстрее расти в политике”.

Тем временем над реформами в Москве сгустились тучи. Правительство Гайдара перестало существовать.

Глава 6

Двоевластие.

Зима 1992 — весна 1993

Хасбулатов идет в атаку

Своим вознесением на самый верх российской власти Руслан Хасбулатов был обязан, во-первых, знакомству с Ельциным. Они познакомились еще в начале 70-х, когда Хасбулатов, тогда инструктор ЦК ВЛКСМ по агитации и пропаганде, приезжал в Свердловск, где Ельцин только начинал подниматься по партийной лестнице. А во-вторых, свою роль сыграло то, что по национальности он был чеченец. Главные национальные республики в составе России Татарстан и Башкортостан в то время заигрывали с союзным центром, то есть были как бы в оппозиции. И, продвигая в свои заместители представителя нетитульной национальности, Ельцин демонстрировал, что идет навстречу интересам национальных автономий. К тому же интеллигент, профессор экономики, демократ, пусть и не член ельцинской команды. “Свой пост первого заместителя [председателя Верховного совета] Хасбулатов, до того ничем не выделявшийся из шеренги претендентов, выиграл [на Первом съезде депутатов РСФСР], как в лотерею”, — писал потом депутат-демократ Виктор Шейнис¹. А через год, когда Ельцин стал президентом, Хасбулатов, уже прозванный “верным Русланом” за свою лояльность Ельцину, фактически возглавил Верховный совет — как первый заместитель спикера — и стал одним из героев сопротивления во время путча: лично писал исторический текст воззвания, с которым с танка обратился к народу Ельцин, а потом руководил сопротивлением депутатов в Белом доме. В конце октября Хасбулатова избрали председателем Верховного совета.

Методичный, терпеливый, искусный аппаратчик и трудоголик — приезжал на работу первым, уезжал последним, — Хасбулатов быстро понял, что возможности первого российского парламента практически безграничны, надо только уметь ими пользоваться. Ельцин вскоре подметил, что в Верховном совете популярные социальные законы идут на подпись его первому заместителю — Хасбулатову, потому что именно в эти моменты он сам, Ельцин, по странному совпадению оказывался не в Москве. Возглавив Верховный совет, Хасбулатов перестроил под себя его бюрократическую машину, и уже скоро депутаты стояли к нему в очереди на поклон, чтобы получить какие-нибудь привилегии или просто деньги на очередную командировку. Без его подписи или кивка из-за стен Верховного совета не выходил ни один важный документ. Обязанности между своими заместителями он

перераспределил таким образом, чтобы все существенные вопросы находились в ведении лояльных ему людей. Тогда, в 1991–1992 годах, Съезд народных депутатов и его постоянный рабочий орган, Верховный совет России, были настоящими храмами демократии, и Руслан Хасбулатов очень быстро стал их полновластным и всесильным верховным жрецом.

Много лет спустя Егор Гайдар признается, что еще в перестройку, будучи редактором, отклонял статьи Хасбулатова на экономические темы по причине их банальности². Профессор экономики, осенью 1991 года Хасбулатов наверняка рассчитывал, как и вице-президент Руцкой, возглавить первое ельцинское правительство. И затаил обиду, когда этого не случилось. В ноябре, когда Гайдар встал во главе экономического блока правительства, а внутри Верховного совета наметился раскол по поводу отношения к рыночным реформам, интуиция подсказала Хасбулатову, что из Гайдара получится удобная политическая мишень. Руцкой напал на Гайдара и его команду первым, но и спикер Верховного совета не стал долго отсиживаться в окопе. Уже 13 января 1992-го, на одиннадцатый день реформ, Хасбулатов пошел в атаку, пока не на президента, а на реформы и на Гайдара, и предложил Ельцину “сменить практически недееспособное правительство”³. А если этого не делает президент, это может сделать и парламент, добавил Хасбулатов. Правительство не перчатки, менять не будем, ответил Ельцин.

“Соперничество «директора Верховного совета» с президентом может снова — как и во времена запутанных отношений [председателя Верховного совета СССР Анатолия] Лукьянова с Горбачевым — сделаться доминантой политической жизни”, — прокомментировала этот выпад газета “Коммерсантъ”⁴. Прогноз оказался верным: началась война на уничтожение между ветвями российской власти — война, которая меньше чем через два года закончится стрельбой из танков по Белому дому, где и заседал Верховный совет России.

Ползучий переворот

“Первая фронтальная атака на реформы” — так потом Егор Гайдар опишет следующий Съезд народных депутатов в апреле 1992 года⁵. Правительство было подвергнуто многодневной критике. Компромиссные предложения президента были отвергнуты, и депутаты, подталкиваемые Хасбулатовым, вынесли постановление, предписывающее Верховному совету принять закон о правительстве, а президенту — в течение трех месяцев представить кандидатуру премьер-министра. В этот момент было не столь важно, кого именно предложит Ельцин, — важен был сам факт унижения и подвешивания правительства. “Апрель 1992 перекликается с августом 1991, — писала тогда газета «Московские новости». — Агрессивно-послушное большинство российского съезда, как это ни парадоксально, предстает наследниками

ГКЧПистов”⁶. Гайдар решил не ждать у моря погоды и пошел на обострение: кабинет в полном составе подал в отставку. Шантаж сработал, и из первого правительственного кризиса Гайдар вышел победителем. Депутаты, испугавшись, что теперь ответственность за реформы ляжет на них самих, благословили — с оговорками — его команду работать дальше.

На самом деле это была только разведка боем, и Хасбулатов уже переключился на Ельцина. Их взаимная ненависть возрастала с каждым днем. Из одного личного конфликта, во многом предопределившего судьбу страны — Ельцина с Горбачевым, — страна сразу угодила в другой. Трудно было представить себе двух менее схожих людей. Один высокий и статный, другой худой и невысокого роста. Один прямой и импульсивный, другой мнительный и изворотливый. Один рубит сплеча, действует по наитию, другой осторожен и хитер, просчитывает каждый шаг. Один народный лидер и получил мандат доверия на прямых выборах, другой мастер аппаратной интриги.

Во время апрельского съезда Хасбулатов, нападая на правительство, добивался личной встречи с Ельциным. Ельцин его не принял, потому что Хасбулатов “лицемер и опять обманет”⁷. Потом, по мере нарастания их вражды, Администрация президента будет пытаться насолить спикеру парламента в любой мелочи: однажды Хасбулатову отключат телефон прямо в самолете во время разговора с президентом Узбекистана Исламом Каримовым⁸. Спикер тоже в долгу не оставался. Он будет шпионить за сторонниками Ельцина в Верховном совете, третировать их и хамить им, оскорблять самого президента, чем дальше, тем обиднее — вплоть до вошедшего в историю жеста, когда, уже в сентябре 1993-го, Хасбулатов щелкнет пальцем по горлу перед телекамерами, намекая на то, что Ельцин принимает решения в пьяном виде.

Однако, как это часто случалось в истории, борьба Хасбулатова с Ельциным была не столько схваткой двух разных характеров, сколько отражала расклад политических сил. Чем тяжелее шли реформы и чем слабее была их поддержка в обществе, тем решительнее Хасбулатов направлял парламент в атаку на правительство и на президента. В отсутствие устойчивых парламентских партий — а откуда им было взяться? — конфликт между Ельциным и Хасбулатовым превратился в конфликт между ветвями власти. Точнее, получилось наоборот: конфликт между президентом и парламентом перешел на персональный уровень.

Конституции демократических государств представляют собой инструкции для разрешения политических конфликтов мирным путем: не согласны между собой? Не можете договориться? Вот алгоритм действий. Главная проблема России в 1992 году заключалась в том, что такой конституции у нее не было. Принятие новой конституции было отложено осенью 1991-го, а действовавшая — еще советская, брежневская — подвергалась по-

стоянной правке с конца 80-х, и в итоге в ней оказался нарушен базовый принцип демократического государственного устройства: разделение исполнительной и законодательной ветвей власти. Когда в России появился пост президента, в старую конституцию вписали положение о том, что президент — глава государства и исполнительной власти страны. Но еще до этого, в пылу борьбы с диктатом КПСС (и при активном участии самого Ельцина), в Конституцию была внесена поправка, которая гласила, что Съезд народных депутатов «правомочен принять к рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации». Тогда эта поправка выглядела победой демократии. Теперь она вела к параличу власти. «Любой вопрос» — это значит вообще любой, и, опираясь на эту конституционную норму, направляемые Хасбулатовым депутаты теперь принимали и постановления о бюджетных кредитах конкретным предприятиям и хозяйственным отраслям, и поправки в Конституцию, урезающие права президента и его кабинета. Демократическая пресса называла этот процесс ползучим переворотом. Уже в апреле 1992 года в воздухе повис вопрос: как поведет себя президент, когда его прижмут к стенке? Чем это все может закончиться? «За примерами недалеко ходить, — писала тогда газета «Известия», — Горбачеву не удалось с помощью компромиссов умерить агрессивность аппаратной реакции. Теперь кому-то не терпится загнать в угол Ельцина, заставив делать выбор между демократической процедурой и демократическими реформами»⁹.

Возможность мирного решения обсуждалась уже тогда, весной 1992-го, — референдум. На референдум можно было бы вынести вопрос о доверии президенту, съезду, реформам — и даже новую конституцию. Но право объявления референдума тоже принадлежало съезду, а Хасбулатов понимал, что такой референдум он проиграет: в рейтингах доверия Ельцин тогда значительно опережал и депутатский корпус, и Хасбулатова лично. В конце мая Ельцин предложил вынести на референдум вопрос о президентской форме правления в стране на переходный период. Это попытка государственного переворота, ответили депутаты. Ветви власти сошлись в клинче.

Ельцин жертвует ферзя

В январе 1992 года, едва приступив к реформам, Егор Гайдар отмерил себе и своему кабинету два года. Такой оптимистичный сценарий он нарисовал сам, когда его спросили, чего бы он желал достигнуть на своем поприще. «Отставки к концу будущего года, — отвечал Гайдар. — Под оглушительные крики народного негодования, но при соблюдении демократических процедур». В такой отставке не будет никакой трагедии, рассуждал режиссер российских реформ, если правительству удастся осуществить главное —

остановить инфляцию и добиться финансовой стабилизации. “Хирургическая операция проведена, надо выхаживать больного, — продолжал Гайдар, — и вот тут потребуется мягкое правительство, которое снизит налоги, создаст предпосылки для экономического роста, привлечет иностранный капитал. Это прекрасные задачи, и я искренне завидую тем, кому придется их решать”¹⁰.

Но жизнь не оправдала эти надежды. Первые три-четыре месяца Гайдар и его команда с успехом сдерживали рост денежной массы. Трудности начались весной. Сначала повышения заработной платы потребовали шахтеры, и их требования были удовлетворены, причем через голову Гайдара, потому что шахтеры исторически были мощной политической силой и очень помогли Ельцину в его борьбе с Горбачевым и КПСС (а теперь, в противостоянии с Верховным советом, он рассчитывал на них снова). Вслед за шахтерами были подняты зарплаты бюджетникам¹¹. Затем за дело взялся Верховный совет: при обсуждении бюджета на 1993 год (к этому моменту Ельцин уже уступил Гайдару место главы правительства и тот стал исполняющим обязанности премьера) финансовые обязательства государства были увеличены на 8% ВВП. “Апофеоз финансовой безответственности” — так Гайдар охарактеризует эти решения¹². Неподконтрольный кабинету министров Центральный банк с лета взял курс на денежную эмиссию. А затем правительство столкнулось с кризисом неплатежей. Проблема была вот в чем: плановая экономика перестала существовать, но предприятия продолжали производить и поставлять друг другу товары в расчете, что им заплатят. Сократив общую сумму задолженности взаимозачетами, правительство осталось один на один с кредиторами, которым по-прежнему был кто-то должен, но взыскать эти долги было невозможно. В результате Центральный банк просто напечатал деньги на нужную сумму. Затем под нажимом Верховного совета пришлось выдать огромные кредиты под северный завоз — должны же люди чем-то питаться на Севере, — и финансовая система не выдержала. “С точки зрения финансовой стабилизации страна оказалась отброшена на несколько месяцев назад, — вспоминает Андрей Нечаев, тогда министр экономики. — Все нужно было начинать сначала”¹³.

В конце августа 1992 года курс рубля рухнул, начался новый виток инфляции: вместо планируемых 5% в месяц осенью она составляла уже 20%. “Угроза гиперинфляции, развала денежного обращения, утраты всех результатов политики реформ становится очевидной” — так в описании Гайдара выглядела экономическая ситуация в стране в середине осени¹⁴. 1992 год ожидаемо стал самым тяжелым годом реформ в России, а с провалом финансовой политики замкнулся порочный круг: включение печатного станка вело к росту цен; рост цен — к росту социального напряжения; реагируя на социальное недовольство, Ельцин шел на уступки; оп-